

Владимир Паронджанов

*Слова
любви,
любви
таинственной*

Лирика

Владимир Паронджанов

*Слова
любви,
любви
таинственной*

Лирика

Москва 2024

Паронджанов В.

Слова любви, любви таинственной. Лирика. — Москва:
Препринт, 2024. — 153 с.

Версия 60

Ветер любви, любви отчаянной, обманутой, умоляющей, страстной, но беспечной, чарующей, робкой и беззащитной, кружит голову, пьянит и завораживает; когда кажется, что всё кончено, внезапно в заповедном домике без дверей (а ключ у вас в кармане), как вдруг — о боже, это совсем не она! — и уже бретелька с плеча нечаянно соскользнула. Одна загадка следует за другой, живописные картины апокалипсиса мирно соседствуют с весёлыми и беззаботными сценками. А после неожиданной развязки вас поджидает искромётный юмор (сказание о Директоре), приколы подколодного притона и трогательный финал. Как заметила Лена Конти, «Паронджанов — это сила, он не перестаёт удивлять».

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПРЕТНЫЙ ОСТРОВ.....	9
Старые струны.....	10
Прожил зря или не зря.....	10
Слова любви, любви таинственной.....	12
Донжуанский список.....	12
Ты не в счёт, ты просто ветер.....	14
Сломанная веточка.....	15
Девочка моя.....	16
Интермеццо.....	16
Стюардесса.....	18
Федерико Гарсиа Лорка.....	19
Ты ушла.....	21
Аксаково.....	22
Жена вернулась наглая.....	24
Лунным соком брызнули портьеры.....	25
По дорогам смерти и любви.....	26
КРАСКИ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ.....	27
Гитары плач исповедальный.....	28
Не мужик мне нужен, а возлюбленный.....	28
Параскева-Пятница.....	29
Наполеоновские планы.....	30
Любовь на кладбище.....	31
Песня любви.....	34
Не надо, не ищи меня.....	34
Поцелуи на лыжне.....	36
Заколдованный рояль.....	36
Кто нас бросил на сцену.....	37
Где бы мне купить билет.....	39
РВАННЫЕ БОТИНОЧКИ.....	41
Метались огни.....	42
С нами крестная сила.....	43
Ночка тёмная рассыпала.....	43
Молю тебя, царевич мой.....	45
Мы с ней гуляли.....	46
Июль.....	47

Перед вечным престолом.....	48
Три подружки.....	48
Ожерелья, легенды, наряды.....	49
Ноша на плечах.....	50
Был чуток миг.....	50
Говорила мне цыганка.....	51
Много лет назад.....	53
Юность волку не обуза.....	53
На концерте в Доме журналистов.....	54
Поэзия.....	55
Любовь нельзя вернуть.....	55

ПЛЕННЫЙ ВЕТЕР..... 57

Где же тело твоё.....	58
Моя красотка улизнула.....	58
Вдохновение.....	59
Дон Жуан.....	60
Тайные пружины.....	60
Тайна Судного дня.....	61
Дом, затерянный в лесах.....	63
Пленный ветер.....	64
На березке птички зяблики.....	64
Не суди меня.....	64

БИРЮЗОВАЯ СЕРЁЖКА..... 65

Два профессора.....	66
Старики-разбойники.....	67
Бирюзовая серёжка.....	68
Не вернётся гитара.....	69
Осенний огурец.....	70
Взметнулись сокол и орёл.....	70
Вешняя вода.....	71
Нежный мех пантеры.....	71
Был августа последний день.....	72
Душа приучена молиться.....	72
Нищенка мысль.....	73
Маэстро, музыку!.....	74
И слетают в сердца купидоны.....	74

БАБЫ ДУРЫ	76
Федина ошибка.....	77
Благая весть.....	78
Бесплотный херувим.....	78
Не для всех.....	79
Винсент ван Гог.....	80
Губами тронуть вишни.....	80
Кто же мы.....	81
В летний день.....	82
Неизречённая мысль.....	83
Судьба поэта и поэтессы.....	83
О любви.....	84
Шины тихо шелестят.....	85
Девчонка и начальник.....	85
Бабы дуры.....	87

ПАРМСКАЯ ФИАЛКА..... 90

Положив её в постель.....	91
Палыч и Михалыч.....	91
Пармская фиалка.....	92
Выставка «Москва — Париж».....	93
Всё до боли знакомо.....	94
Беспартийный еврей.....	94
Учитель ракет.....	96
Я не ревнив.....	96

ТАЙНА ИСКУШЕНИЯ..... 97 (поэма с довеском)

Грузинская рапсодия.....	98
Предсмертная песня.....	101
Для нас смерть — свобода!.....	102

ЖЕНСКАЯ ВЛАСТЬ..... 104

Бабки с пистолетами.....	105
Кроты истории.....	106
Жизнь.....	106
В лесу.....	106
Женская власть.....	107
Кто на мостике.....	107

Чулки и блузка.....	108
Тропинка.....	109
История жалит.....	109
Петрович.....	110
Мне почудилось.....	110
Храм науки.....	111

НА БАГАМСКИХ ОСТРОВАХ..... 112

Тефтели в соусе.....	113
Пропаала папка с лекциями.....	114
В прошлом веке.....	115
Золотые мгновенья.....	116
О, как убийственно жесток.....	116
ГУРВО.....	117
Шут в берлоге.....	119
Он такой хорошенький.....	119
Тихо спичку поднесла.....	120
Болезни носоглотки.....	121
Учёный.....	122
Ой вы, лютики мои.....	123
Бальмонт 2.0.....	124
У Дон-Кихота.....	124
Только адреса нет на конверте.....	125
Туфельки.....	125
Парад-алле.....	126
Под Киевом.....	127
Жечь себя в огне секунд.....	127
Сгорел хрустальный фа-диз.....	127
Джан и Джон.....	129
Истинная вера.....	130
Церковь ночи.....	131
Оглянись перед финалом.....	131

СКАЗАНИЕ О ДИРЕКТОРЕ..... 133

Случай на охоте.....	134
Директор и Марианна.....	136
Директор — мой лучший друг.....	139
В деревне.....	139

ЛЕГЕНДА О ТАБАКОВЕ.....	141
Жили-были два друга.....	142
Как возникла легенда о Табакове.....	143
Прикинуться святым.....	143
На улице.....	144
Ох, уж этот Табаков.....	145
Самый симпатичный.....	145
Звёздочка.....	146
Табаков продал гитару.....	146
Три полста.....	147
Осень.....	148
Обернулся Табаков белым кречетом.....	149
Разорённый мастер.....	150
КАРТЫ НА СТОЛ.....	151
Об авторе.....	152

Запретный остров

Старые струны

Были опытны старые струны
В холодке у речной синевы
С той ромашкой, прелестной и юной,
Что меня целовала на вы.

Не в раю, не под дивной смоковницей,
Мне твой голос шептал под луной:
«Я хочу быть вашей любовницей,
Я хочу быть вашей женой».

Мне тогда это было забавно,
Вереницей промчались года.
С этой девочкой, юной и славной,
Мы расстались, увы, навсегда.

И теперь белоснежною горлицей
Ты влетаешь в мой сон голубой:
«Я хочу быть вашей любовницей,
Я мечтаю быть вашей женой».

Налетели осенние ливни,
Разметали красу с тополей.
И слова твоей просьбы наивной
Нынче стали молитвой моей.

Не в раю, не под стройной смоковницей,
Чей-то шёпот, как прежде, со мной:
«Я мечтаю быть вашей любовницей,
Я мечтаю стать вашей женой».

Прожил зря или не зря

Я люблю уста желанные,
Чтоб весна — со всех сторон!
Чтоб девчонки были пьяные
И гитарный перезвон.

К чёрту этих, что с вопросами!
Я люблю, что любят все:
Чтобы звёзды под колёсами
И по встречной полосе!

Чтобы губы, губы алые...
Скорость, Господи, спаси...
Чтобы деньги и немалые —
Только спичку поднеси!

Жизнь свою — облей канистрою...
Не догнать и не спасти...
Чтоб залётной тройкой быстрою
Вдоль по Млечному Пути.

Русь весёлая, раздольная!
Я люблю, чтоб в пол педаль!
Чтоб луна, подруга вольная,
По снегам летела вдаль.

Не поймут сердца усталые
На обочинах шоссе.
Только губы, губы алые...
И по встречной полосе!

Помнишь юность, помнишь платьеце?
Помнишь волю — пей, гуляй!
Солнце по небу покатится,
Хоть ладони подставляй.

Время — тучами несметными...
Прожил зря или не зря?
Над снегами многоцветными
Предпоследняя заря.

Вспыхнут звёзды долгожданные.
Я люблю, что любят все:
Чтоб девчонки были пьяные
И по встречной полосе!

Слова любви, любви таинственной

За что казнишь, о Боже правый?
Ни звёзд, ни ласки, ни пути...
Клубится ночь над переправой,
И ничего нельзя спасти.

Слова любви, любви таинственной
Растают, как мираж, в стране обманной.
Сначала вдруг исчезнет «мой единственный»,
Потом навеки канет «мой желанный».

И в этот горький миг прозренья,
Миг мрака после синевы,
Всё мужество и всё смиреньё
На помощь призовете вы.

О, где же вы, слова любви таинственной?
И только память купиной неопалимой...
«Разбились наши звёзды, мой единственный!
Погасло наше солнце, мой любимый!»

И чей-то чуткий взгляд участия,
Когда всё прошлое — дотла;
И снова хрупкий остров счастья
Кочует в вечном море зла.

Всю ночь летит по шпалам лес безлиственный.
А в сердце слышен голос, голос тайный:
«Ты был когда-то прежде мой единственный,
Теперь прощай навеки, мой случайный!»

Донжуанский список

Подходя плотней к пределу,
Мы итожим свой багаж,
Вспоминая то и дело
Донжуанский список наш.

Кто шумливей на насесте?
Кто счастливей под луной?
У кого-то их за двести,
У кого-то ни одной.

Все — и гений, и каналья —
За приманкою числа;
И у Пушкина Наталья
Сто тринадцатой была.

Наших тайн никто не знает,
Тем не менее, всегда
На челе у нас сияет
Эта цифра, как звезда.

Кто поёт для нас с эстрады,
Кто сидит за нас в тюрьме —
Всюду цифры, как награды,
Нежно светятся во тьме.

Наша скрытность — не кольчуга,
А дырявый перемёт.
Стоит глянуть друг на друга,
Зрячий мигом всё поймёт.

Кто шумливей на насесте?
Кто счастливей под луной?
У кого их было двести,
Кто ни разу ни одной.

Где отмычки, там и двери,
Из ушей торчит совет.
Но никто из нас не верит
В этот правильный ответ.

Где ж вы, тайные кольчуги
И ночные стремяна?
И ножами вольной вьюги
Убиенная весна?

Что открылось в благовесте
За могильной тишиной?
На зачатом лобном месте
Кто счастливей под луной?

Я вам тайны не открою,
Я советов вам не дам.
Кто же счастлив в этом мире,
Я давно не знаю сам.

Никогда не сожалел
О потерянной заре,
Кто там бродит по аллее
В нежилом монастыре?

Подходя плотней к пределу,
Мы итожим свой багаж,
Обновляя то и дело
Донжуанский список наш.

Ты не в счёт, ты просто ветер

Всё, что было, всё, что будет,
Бог когда-нибудь рассудит;
Он всё знает, он всё видит с вышины.
Ветер молит розу: «Дай мне
Рассказать тебе о тайне,
Не моей, а мне приписанной вины».

Но она не отвечает,
Лишь головкою качает:
— Я не верю, понимаешь, и не жду.
Я одна теперь на свете.
Ты не в счёт, ты просто ветер,
Ты найдёшь себе цветок в любом саду.

Всё всерьёз: седые пряди
И застывший крик во взгляде,
И ни вздоха, ни намёка, ни пути.
Ветер вьётся в чистом поле,
Хриплый голос полон боли:
— Неужели ничего нельзя спасти?

Всё, что было, всё, что будет,
Смерть когда-нибудь остудит —
Только ей я дам последний свой ответ.
И она корить не станет,
Не обидит, не обманет,
Скажет: «Хватит! виноватых больше нет».

После нас на той же сцене
Сотни тысяч поколений
Будут жечь себя и мучить в свой черёд.
И в любой душе мгновенной
Вся краса и блеск вселенной
Отразится, просияет и умрёт.

Всё, что было, всё, что будет,
Мир когда-нибудь забудет,
Сам себя и свой итог сведёт к нулю.
Только в памяти нетленной
В час крушения вселенной
Прозвенит на миг безвестное: люблю!

— Лишь одну тебя любил я и люблю.

Сломанная веточка

Раскидистое дерево дороги.
И в нём одна лишь веточка сломалась —
Та что ведёт к подъезду твоему.

Девочка моя

Девочка моя, как же ты далеко...
Песни мои болью полны.
И гитарной струне оживить нелегко,
Оживить позабытые сны.

Твой крестик нательный мне к сердцу приник,
Только пальцы цветов не сомнут.
Это шутка твоя нас связала на миг,
И распалась цепочка минут.

Девочка моя, как же ты далека...
Да спасёт тебя горний рассвет.
Не догонят тебя ни струна, ни строка
В девятнадцать чарующих лет.

Ты свой крестик нательный снимала с меня
И в глаза мне глядела, смеясь.
И февральская ночь закатилась, звеня,
И зарёю в полнеба зажглась.

Ты исчезла вдали как напев ветерка,
Только праздник в душе не затих.
Да спасёт тебя Бог от меня, старика,
И от песен обманных моих.

Интермеццо

*Интермеццо — это музыкальная пьеса,
которая исполняется в перерыве*

На обрыве у леса
Ворон хрипло кричит.
Что за странная пьеса
В перерыве звучит?

Не найти, не измерить
К тайне взорванный мост.
Невозможно поверить
В неприкаянность звёзд.

Кто же здесь верховодит?
Кто подводит итог?
И в президиум входит
Тяжкой поступью Бог.

Все апостолы пьяны,
Все мадонны в слезах.
Под распятым стеклами
На разгульных ветрах.

С глаз упала завеса,
Ворон снова кричит.
Что за странная пьеса
В перерыве звучит?

Облака как солдаты,
Как наживка весна,
И кочуют закаты,
И любовь как блесна.

Не найти, не измерить
К тайне взорванный мост.
Невозможно поверить
В неприкаянность звёзд.

С двух сторон на обрыве.
На кого опереться?
Мы живём в перерыве,
Наша жизнь — интермеццо.

Стюардесса

Чао! От винта! Шеннон — Гавана.
И поднос плывёт в твоей руке.
А в бокалах звёздная нирвана
И луна на тонком стебельке.

Я в любви всё тот же безбилетник,
То аншлаг, то полный перекур.
Привези мне, Ленка, двухкассетник
Из страны далёкой Сингапур.

Я на нём поставлю эту плёнку —
Ни догнать, ни вспомнить, ни спасти —
Про одну знакомую девчонку,
Что живёт у Млечного Пути.

Ты опять счастливей всех на свете —
Южный пляж, бикини и гламур.
Привези мне, Ленка, вольный ветер
Из страны далёкой Сингапур.

Под крылом небесные свирели.
Остров Сал — в созвездии твоём.
А потом, как прежде, на неделю
Мы с тобой в Аксаково махнём.

Там, где счастье светится в тумане,
Где живётся сладко и легко,
Где ночной мираж гостит в стакане
И гитарой бредит Шурико.

И опять: Шеннон — Гавана — Лима,
Пересменок, Мальта и Дакар.
Но влечёт к себе неодолимо
Этих милых дней родной угар.

Над осанной небо голубое,
И на нём твой след как белый шнур.
Привези мне, Ленка, шум прибоя
Из страны далёкой Сингапур.

Федерико Гарсиа Лорка

И снова крик: на абордаж!
Ночных потерь, рассветных краж...
Предсмертных улиц след... По чьей вине,
Гарсиа Лорка, свет погас в твоём окне?

В последний раз
Весна цвела гитарным звоном,
И стал напевом похоронным
Расстрелянный рассвет.
Кто дал приказ?
И в тот же миг заката створки
Остановили сердце Лорки
В расцвете лет.

Вот мир щеколд, вот мир дверей,
Вот мир святынь и лагерей.
И стадо цезарей со всех сторон
Гусиным шагом переходит Рубикон.

А во дворце
Крутил усы диктатор Франко
И с ним прекрасная испанка,
И Сальвадор Дали.
А в их глазах
Уже маячил миг расплаты
И извивались циферблаты,
Простёртые в пыли.

Он мог отдать такой приказ
Одним движеньем властных глаз.
И нет свидетелей. Молчит Пилат.
И пьёт цикуту не отрёкшийся Сократ.

А во дворце
Король и проходные пешки,
И вечный спор орла и решки:
Кто в этом мире прав?
Опять мечты...
Любовь и ты, а третий лишний...
И снова козыри Всевышний
Суёт себе в рукав.

Художник прав: мы в западне,
А на холсте — «Жираф в огне».
Продажных улиц блеск опять в цене.
Жираф стоит, как будто спит, жираф в огне.

А во дворце
Всю ночь шумел безумный Франко
И с ним прекрасная испанка,
И Сальвадор Дали.
А в их глазах
Уже маячил миг расплаты
И извивались циферблаты,
Распятые в пыли.

Таков наш мир, таков наш крест,
Где взгляд невест как благовест.
Монета падает — подставь ладонь.
Жираф горит, но он не знает про огонь.

Звезда Испании
За море пепла закатилась,
И ночь на сердце опустилась,
И опустел рассвет.
Генералиссимус!

Ты поднял руку на поэта,
И только за одно за это
Тебе прощенья нет.

И снова крик: на абордаж!
Крутой вираж. Пустой мираж.
И стадо цезарей в борьбе за трон
Уже бетоном заливает Рубикон.

А во дворце
Король и проходные пешки,
И вечный спор орла и решки:
Кто в этом мире прав?
Опять мечты...
Любовь и ты, а третий лишний...
И снова козыри Всевышний
Суёт себе в рукав.

Ты ушла

Ты ушла и сказала: «Прощай навсегда!»,
Не дослушав мой тихий ответ.
Ты была для меня как ночная звезда
И чарующий сердце рассвет.

Не сестра, не жена, а ночная звезда
В суете городов-поездов,
Что по лезвию тайны летят в никуда
В нескончаемой смене веков.

Я тебя целовал, а вокруг колдовал
Не иссякший за тысячи лет
И кружился над бездной земной карнавал,
И струился невидимый свет.

Ты ушла торопливо, ушла навсегда,
Затерялся твой призрачный след.
Ты была для меня как живая вода,
Что спасала от боли и бед.

Аксаково

Мы уедем с тобой
в бесконечно знакомую даль...
Там, где в зимнем лесу
зажигаются звёзды-колдуны...
В океане надежд
за кормою растает печаль.
Тот, кто ждёт, тот поймёт,
потому что живёт накануне.

Из кассетника льются
вчерашие чувства других —
Прямо в наши сердца;
это смена живых откровений.
По вчерашней лыжне
мы приходим в сегодняшний миг,
И аксаковский лес
принимает минутные тени.

Мы как горные реки
меняем свой путь без труда —
Чтобы наспех забыть
о вчерашней постылой анкете.
И в закатном огне
мы сжигаем свои города.
За рулём бензовоза
охваченный пламенем ветер.

Без нелепых страстей,
                                без обмана слепых скоростей
Здесь, в обитель снегов,
                                я вступил как неопытный инок,
И аксаковский лес
                                принимает минутных гостей,
Исцеляя сердца
                                тишиною безлюдных тропинок.

Этот вечер плывёт,
                                словно Ноев ковчег, в никуда...
Догоняя обман,
                                мы меняем рубли на бутылки.
И над люксом взойдёт
                                Шурико как ночная звезда
И уронит в сердца
                                стон гитары, внезапный и пылкий.

Мы на отмели сердца
                                пьём воду живого ручья.
Бесконечна как жизнь
                                анфилада намеченных спален.
Если есть, что налить,
                                напоследок налейте, друзья.
Каждый миг без любви,
                                как рассвет без надежды, печален.

Там, где звёздная полночь
                                подпишет февральский указ,
Наш заезд прозвучит
                                в каждом сердце, как тайная месса.
И в московской тюрьме
                                этот вечер мы вспомним не раз,
Этот праздничный сон
                                в нас упавшего зимнего леса.

Жена вернулась наглая

Жена вернулась наглая,
красивая, счастливая,
И странно золотились
следы её вдали.
И колдовские молнии
по комнате змеились,
И прямо на паркете
тюльпаны расцвели.

Конечно, там роскошные
лужайки и беседки.
Там пальмы и магнолии
ласкает звёздный хор,
Там море в белых выпелах,
но только, если честно,
Не могут эти мелочи
зажечь такой костёр.

Ведь что же получается?
Прошло уже полмесяца.
Она посуду моет —
и Шуберта поёт.
Она выносит мусор —
глаза, как звёзды, светятся.
Ведь это ж ненормально,
любой меня поймёт.

Как крестный ход с иконою,
как сад порою вешней,
Как душу напоившая
желанная гроза...
И вьются над кострищами
живые души грешниц,
Лишь ангелы безгрешны,
да в церкви образа.

Бывает в жизни всякое,
                         когда прямой наводкою,
 Когда в незрячих сумерках
                         мы мечемся, дрожа.
 Она вошла как таинство,
                         светящаяся, кроткая...
 Да вот беда, споткнулась
                         о лезвие ножа.

Лунным соком брызнули портьеры

В душу льётся дивный белый снег,
 И теряет контуры столица.
 Всё, что было, умерло навек.
 В сердце перевёрнута страница...

Городская тайная тропа
 Под ночными крыльями созвездий
 Нас уносит в дивный снегопад
 В маленьком, как гнёздышко, подьезде.

Ах, как манит боль тех милых лет.
 Всё украли белые снежинки.
 С неба льётся тихий горний свет
 На давно исчезнувшей тропинке.

Гасит свечи свадебный пожар.
 Лунным соком брызнули портьеры.
 Призрачные тени двух гитар —
 наших февралей секундомеры.

Всё смешалось: звёзды, снег и свет,
 Эта ночь вовек не повторится.
 Всё, что было, кануло навек.
 В сердце перевёрнута страница...

По дорогам смерти и любви

По закатам со смертельными потёмками...
Там, где чудится: прости и оживи!..
Бродят странники со странными котомками
В ожиданьи смерти и любви.

Под знакомыми февральскими снежинками,
У костра, что выжигает всё дотла,
Мы его кормили днями-хворостинками,
А в запасе только дюжина была.

Там, где день идёт за год, где маски сорваны,
Ты запомни в пляске бешеной реки
Чуть намеченную тонким светлым контуром
Нашу нежность без касания руки.

Отзвенела ночь отвагой шестиструнную,
С бубенцами у победного крыльца,
Чтобы нежностью то млечною, то лунною
Исцелять бессонные сердца.

Но взметнулись звёзды юные, случайные,
Заманили в пляску бешеной реки,
И затмили дни и ночи, ночи тайные,
Нашу нежность без касания руки.

То с распятем, то с отпетыми мадоннами,
То с иконами у Спаса на крови
Бродят странники со странными котомками
По дорогам смерти и любви.

Краски вчерашнего дня

Гитары плач исповедальный

Чужой весны в чужом раю...
Тебя окликнет взгляд прощальный...
И вновь у бездны на краю
Гитары плач исповедальный.

О, как легко всё потерять!
И только юная фиалка
Гитаре грезится опять,
И гитариста ей не жалко.

По алым лезвиям минут
Матёрый волк бежит, хромая.
Где был мой дом — чужой уют,
Чужая пристань городская.

Так пожалейте старика!
Вам поцелуй — такая малость!
Уж сколько лет моя рука
Коленей женских не касалась.

Любви и нежности порыв,
Закатный луч и шелест платья.
Но лишь гитары стёртый гриф
Мне отвечает на пожатье.

Чужой весны в чужом раю...
Взгляд промелькнувший... миг прощальный...
И вновь у бездны на краю
Гитары плач исповедальный.

Не мужик мне нужен, а возлюбленный

Шаг от волшебства до воровства...
Доли, одиночеством загубленной...
Чьи-то еле слышные слова:
— Не мужик мне нужен, а возлюбленный.

Господи, тебе ли выбирать!
Горький луч зашкаливает бешено.
Каждого прими как благодать,
Кем хоть раз согрета и утешена.

Призрачен архангелов полёт
В вечную разлуку, в даль обманную...
Стрелки часовые... крестный ход...
В тайную страну обетованную.

И опять во власти колдовства:
— Дай отпить из чаши непригубленной!
Горькие, бессонные слова:
— Где же ты, мой милый, мой возлюбленный?!

Сколько их пришло из темноты?
Сколько отошло порою вешнею?
Гибельной, смертельной красоты
Свечи пред иконою нездешнею.

А когда остынет синева,
Вспыхнут над иконою погубленной
Дивные, бессмертные слова:
— Милый мой...
                        желанный мой...
  возлюбленный...

Параскева-Пятница

Вещие, кабацкие струны двух гитар
Пеплом этой ночи отзвенели.
Ты прости, любовь моя, пьяный перегар,
В сердце только выюги да метели.

Всё, что было, кануло — нет пути назад.
Боль-тоска без прикупа любви.
Ах вы, ножки девичьи, яблоневый сад,
Юбочки-оборочки твои.

Отзвенят стаканы в первый день весны,
Захлебнутся криком похоронным.
У гитар недаром струны сплетены
С заунывным колокольным стоном.

Параскева-Пятница, свечи у икон,
Ночь-тюрьма без прикупа любви.
Ах вы, ножки девичьи, яблоневый сон,
Юбочки-оборочки твои.

Вещие, кабацкие струны двух гитар
Пеплом этой жизни отзвенели.
У престола вечности, как последний дар,
Догорают звёздные метели.

У престола вечности, как последний дар,
Гаснут наши тайны и апрели.

Наполеоновские планы

Наполеоновские планы...
Нас манит дерзкая весна.
Сперва нас ждут моря и страны,
Потом нас ждёт Березина.

Христос сказал: «За мной, ребята!
Я компас истины нашёл».
А Понтий, римский прокуратор,
Ему Варавву предпочёл.

Апостол Павел величаво
Рассеет тьму, развеет мрак,
Где инквизитор скажет: «Чао!»
Святой колдунье Жанне Д'Арк.

Когда любой валет трефовый,
Чтоб сердце золотом ласкать,
Мог объявить поход крестовый
И гроб Господень отыскать.

Они с утра войдут и скажут
О новой участи вождя.
И нас к кресту навек привяжут
Четыре ржавые гвоздя.

Упали звонкой славы стены,
Одеты пеплом и тоской,
На островке Святой Елены,
Где лишь безвестность и покой.

Пусть тем, кто верует как дети,
Напомнит песенка моя:
Любая истина на свете
Одета в облако вранья.

Мы суетимся, всё нам мало,
Растёт трава высотных стен.
А там, у дальнего причала,
Нас ждёт толпа святых елен.

Наполеоновские планы...
Непоправимая весна.
Сперва моря и океаны —
Потом река Березина.

Любовь на кладбище

Бывает так, о Боже мой,
Что вмиг растает лёд.
Любовь на кладбище зимой,
Не каждый нас поймёт.

Февраль сугробы навалил,
А здесь — как в майский день:
Среди заснеженных могил
Тюльпаны и сирень.

Сверкает солнце в высоте,
Лучи — во все концы.
А под землёю в темноте
Тоскуют мертвецы.

Мы мчимся алою зарёй,
И Бог сказал с небес:
— Друзья, им скучно под землёй,
Им тоже нужен стресс.

Церквей качаются венцы,
Метелями звенят.
Любовь и смерть, как близнецы,
Закроют нам наряд.

Ты, как мечта моя, светла,
И этот мир для нас.
Тропинка к кладбищу вела
И вдруг... оборвалась.

Февраль по пояс навалил,
А тут звенят ручьи.
Среди заснеженных могил
Весна и соловьи.

Настанет день, когда и я —
Ведь всем нам суждено...
И отнесут меня друзья
Туда, где всё равно.

Одно вам завещаю я,
Завет в душе горит:
Пусть кто-нибудь из вас, друзья,
Мой подвиг повторит.

И я пойму из-под земли
В холодный зимний день,
Что надо мною расцвели
Фиалки и сирень.

Земля, как вечный пьедестал,
Мгновенья не вернуть
Для тех, чьим памятником стал
Бездонный Млечный Путь.

Пусть канет снежная печаль,
Когда в душе весна.
На трёх машинах мчится вдаль
Весёлая волна.

Охалки ландышей слепят,
Звенит метель из роз.
Перед иконами горят
Лампады наших звёзд.

Мы мчимся вдаль, и в пол педаль,
И все мы влюблены.
И тает снежная печаль
Под заревом весны.

Бывает так, о Боже мой,
Завет в душе горит.
Любовь на кладбище зимой —
И Бог благословит.

Песня любви

Я проиграл. Обманули цыганские карты.
Стелется дым за порогом моей старины.
Чья это гибель во взгляде влюблённой Астарты?
Чей это пепел на хрупких весах тишины?

Тайна заката из золота соткана.
Старый кассетник, ты жив до сих пор;
Песня любви до конца перемотана,
Завтра последний немой разговор.

Есть у любви эти страшные крайние сроки.
Рушатся стены, и крыша срывается вниз.
Кто этот фокусник, этот насмешник жестокий?
Чей это праздник и чей это тайный каприз?

Лунная нежность из горечи соткана.
Звуки рыдают... невидимый хор...
Песня любви до конца перемотана,
Тихий прощальный струны перебор.

Не надо, не ищи меня

У каждой тайны два лица,
И мы явились в мир подлунный,
Чтобы на части рвать сердца
И их нанизывать на струны.
Любовь и смерть, как облака,
В немой тиши бесследно канут.
И лишь струна, да с ней строка
Тебя вовеки не обманут.

Ещё вчера при свете дня
Все восхищались: что за пара!
А нынче: «Не ищи меня!» —
Уже поёт моя гитара.

Я много раз был рад весне,
Легко менял слова и маски.
Лишь ты одна сказала мне,
Что я волшебный принц из сказки.
Какой я принц? — ведь я алкаш,
Полупоэт, полубродяга,
Тобой придуманный мираж,
Корабль без компаса и флага.

Какой я принц? — ведь я же вор,
И этот блеск насквозь поддельный.
Небесный царь как прокурор
Ведёт меня тропой смертельной.
Цыганский хор, устав стонать,
Пророчит дальнюю дорогу.
Ты ж ничего не хочешь знать,
И просто веришь мне, как Богу.

А кто не впишется в вираж,
Очнётся там, где сны и тени.
И наша сказка, наш мираж,
Растает, как дымок осенний.
Мой замок рухнет, как во сне,
Всё ближе грозный час развязки.
И ты в ту ночь шепнула мне,
Что я последний принц из сказки.

Ведь у иконы два лица...
И мы явились в мир подлунный,
Чтобы на части рвать сердца
И их нанизывать на струны.
Любовь и смерть, как облака,
В немой тиши бесследно канут.
И лишь струна, да с ней строка
Тебя вовеки не обманут.

Ещё вчера при свете дня
Все восхищались: что за пара!
А нынче: «Не ищи меня!» —
Уже поёт *твоя* гитара.
«Не надо, не ищи меня!» —
Теперь поёт *твоя* гитара.

Поцелуи на лыжне

Остались в прошлом зимние рассветы
И поцелуи на петляющей лыжне,
Где я все козыри швырял, как самоцветы,
Чтоб эти глазки улыбались только мне.

Прощай, дом отдыха! Прощайте, две недели!
Тюльпаны солнца и обманчивая даль...
А через месяц бесшабашный звон капели
Сотрет из памяти и нежность, и печаль.

Заколдованный рояль

Бывают женщины — вы даже не поверите,
Как тот забытый, заколоченный рояль
Из дорогого редкостного дерева,
Где тайно светится надежда и печаль.

А сказка не имеет срока давности,
Но кто ответит сердцу: позови!
И клавиши, и струны — всё в исправности,
Но не касалась их ещё рука любви.

На шаткой пристани о звёздах и о таинстве,
О гордых принцах и жемчужных городах...
В притонах нежности мелькнуть покорной странницей
И закружиться в поцелуях и мечтах.

Слова любви — и сказки нет изысканней...
В разбитых стёклах замков и карет,
В ином столетии, у той бессонной пристани,
Где в души льётся несказанный свет.

Кто нас бросил на сцену

Мы пришли ниоткуда
и исчезнем в назначенный час.
Нам завяжут глаза
чередой февралей и апрелей.
Чем же держится мир?
Красотой непридуманных глаз,
Погружаясь в часы
и тревоги придуманных целей.

Там, где жажда дорог
и колодец отравленных слов,
К рубежам миражей
нас ведут, как стада к водопою.
Пулемёты сомнений
строчат мимо наших голов,
Чтоб случайною пулей
смертельно задеть нас с тобою.

Пересохшие реки
глотают дорожную пыль,
Вспоминая ликующий май
и зелёные чащи —
Там, где бывшие птицы
несут свои крылья в утиль,
Чтоб взамен получить
отрывные талончики счастья.

Кто же здесь верховодит?
                                    Кто душу зажёт, как костёр?
Кто заставил нас петь
                                    и хрипеть, надрываясь натужно?
Кто нас бросил на сцену,
                                    построив небесный шатёр?
Пусть войдет режиссёр —
                                    пусть расскажет, зачем это нужно.

Мы проходим сквозь жизнь,
                                    перекупщики краденых слов —
Переулками душ,
                                    до конца отработанных штолен.
Позолота надежд
                                    облетела с живых куполов
Под предательский звон
                                    уцелевших в душе колоколен.

Каждый чем-то дешёвым
                                    наполнил свои погреба.
А кругом во дворцах
                                    блеск богатств, не замеченных нами.
За последний шлагбаум
                                    нас молча проводит судьба,
А за нашей спиной
                                    полыхает транзитное пламя.

Мы пришли ниоткуда,
                                    для того чтоб уйти в никуда.
В безответной глуши
                                    оборвётся твоя серенада.
Эта песня в душе
                                    догорит, как ночная звезда,
Как минутная боль
                                    бесконечного звёздного сада.

Так и песня души —
отзвонит и замрёт... без следа...
Превращаясь в напев
облетевшего звёздного сада.

Где бы мне купить билет

Весёлый покер шторма и причала,
Танцуют скрипки, дождь и контрабас.
Цветут сады за гребнем перевала —
Как жаль, что это больше не для нас!

Где бы мне купить билет
В тот весенний сад?
Где мои семнадцать лет —
Двадцать лет назад!

Мир огромный, как окно
В будущий рассвет,
И в любовном казино
Первый вкус побед.

Крупье сказал: мираж порою вешней —
Он нам дороже тысячи чудес.
А наши девушки, как сладкие черешни,
В лукошко ласки падают с небес.

Сердце рвётся напрямик
К солнцу в синеву —
Чтобы тот весенний миг
Вспомнить наяву.

Сквозь метель ползёт луна,
Заметая след.
А в душе гремит весна,
Как в семнадцать лет.

Весёлый покер цели и штурвала.
Кому пора с дистанции сойти?
А ветер рвёт афиши карнавала,
Сметая деньги, пыль и конфетти.

Денег нету — ерунда,
Можно и занять.
Хуже если, вот беда,
Некого обнять.

Где бы мне купить билет
В тот весенний сад?
Где мои семнадцать лет —
Тридцать лет назад!

Рваные ботиночки

Метались огни

Метались огни ресторанный зала,
Клубился и жёг бриллиантовый дым.
И смерть еле слышно, но внятно сказала:
— До завтра гуляйте, а там поглядим.

В этом вихре алых роз
Горе в радугу вплелось.
Всё, что свято, всё распято,
Всё в душе оборвалось.

Кайафа и Анна плели свои сети.
Над злобной толпой цепенели огни.
И медлил Пилат под прицелом столетий,
А чёрная площадь ревела: распни!

На цепочке у дверей
Жил один чужак еврей,
Что наигрывал на скрипке
Песни дальних лагерей.

Удача, как пуля — за ней не угнаться.
И падали звёзды в кромешную тьму.
Вам выпала доля: любить и смеяться.
А крест на Голгофе — лишь мне одному.

Под конвоем алых рек
Знает каждый дровосек:
Шаг налево, шаг направо
Называется «побег».

Какой режиссёр эту пьесу поставил?
Какие актёры решились играть?
Чтоб всё повторилось — как Каин и Авель,
Чтоб снова отречься и снова распять.

Там, где алая заря
В облаках из янтаря,
Танцевали вертухаи
Светлый танец октября.

Метались огни ресторанный зала,
Клубился и жёг бриллиантовый дым.
И смерть еле слышно, но внятно сказала:
— До завтра гуляйте, а там поглядим.

И опять идёт игра,
И спят прожектора,
И тасуют наши карты
Записные шулера.

С нами крестная сила

С нами крестная сила Господня!
Да не каждого крест уберёт.
Это было вчера и сегодня
На распутьях незрячих дорог.

Ночка тёмная рассыпала

Ночка тёмная рассыпала
Цвет вишнёвый у дверей.
Мне ж какая карта выпала —
Вся колода козырей.

Ой вы, козыри краплёные,
Словно в поле васильки.
Золотые, забубённые
Развесёлые деньки!

Подобрали к тайне ключики
Подоспевшие орлы —
Заломили белы рученьки,
Заковали в кандалы.

Ах вы, звёзды магаданские!
Жизнь, как ветер, пронеслась,
Наши козыри цыганские
Со стола сметая в грязь.

Просияв закатным золотом,
Расплескались, не сбылись...
В дальней зоне песни Козина
Отзвенев, оборвались.

Ты, не надо, не тревожь его,
В сердце горечь и зола.
Покатились с храма Божьего
Золотые купола.

И свеча из пальцев выпала.
Дом без окон, без дверей.
И метель навек засыпала
Всю колоду козырей.

Чьи-то рваные ботиночки
Нас простят и помянут.
На Охотском море льдиночки
В белых саванах плывут.

А вдали, где липы с клёнами,
Засверкают огоньки:
Золотые, забубённые,
Развесёлые деньки!

Молю тебя, царевич мой

Памяти цесаревича Алексея

Ах розы, розы красные
затоптанного снега...
Дотла сгорела ризница
у Спаса на крови...
Анютиными глазками,
живым сияньем неба...
Молю тебя, царевич мой,
прости и не кори.

Промчались сизым облаком
все те, что мною преданы...
Обманутые соколы,
вчерашние огни...
В сырой земле заступнице,
в обители неведомой...
Молю тебя, царевич мой,
спаси и осени.

Зарёю незакатною
да тайной неоплатною...
Гвоздями прежней горечи,
застывшими в груди...
Россию подвенечную,
на всех крестах распятую,
Прошу тебя, царевич мой,
прости и пощади.

До половины пройдено,
за поворотом брошено.
Промчались вьюгой бешеной,
как тени без лица.
Гуляй, тоска кабацкая!
не сеяно, да скошено.
Шальная пуля — верная
подруга молодца.

Когда струна от горечи порвётся
И приютит чужая сторона,
Церковным звоном в сердце отзовется:
Законов много — родина одна.

Я не скажу им: скатертью дорога!
Пускай, мол, катятся, теряясь в пене дней...
Печален путь отрёкшихся от Бога,
Отрёкшихся от родины своей.

Мы с ней гуляли летними ночами,
И я слова ей нежные шептал.
Теперь она за синими морями,
Куда их всех умчал девятый вал.

Июль

Смотри — на твой воротничок,
Подобно ласковой пушинке,
Какой-то глупенький жучок
Упал с качнувшейся травинки.

Влюблённый, вкрадчивый июль
В лесу нам дарит без огласки
Прохлады лёгкий поцелуй
И все цветы запретной сказки.

И хочется бездумно плыть
Сквозь сон листвы, любви и лести...
Но через час нам надо быть
Обратно на рабочем месте.

Перед вечным престолом

Ставни хлопнули вдруг и слились,
Отсекая цветущую явь...
Стань над горем своим, поднимись,
Лебединые крылья расправь.

Он теперь далеко-далеко,
Где смолкает круженье минут...
Там где сердцу светло и легко,
Там где звёзды и вечный приют.

Из проталин январской Москвы
Есть тропинка в безбольный ночлег.
Перед вечным престолом, увы,
Мы снежинки и таем, как снег.

Три подружки

Под лапами автобусов асфальтовые змеи,
Густые пальцы давки и плечики твои...
Три юные ромашки, три ласковые феи
Мелькнули в коридоре секретного НИИ.

Из ароматных сумочек вспорхнули их расчёски,
Слова им подарила влюблённая весна,
Заколосились в зеркале лукавые причёски,
И чиркали о кафель мужские имена.

И жизнь была мгновенна, легка и интересна,
И в сердце прыгал зайчик по имени «успех».
И было сладко думать, что только мне известно,
Чьё имя в это утро звенело чаще всех.

Ожерелья, легенды, наряды

Ожерелья, легенды, наряды,
Обещанья, обманы и боль...
Завернув свою жизнь в листопады,
Где-то тихо стареет Ассоль.

Подожгите все листья у клёна,
Уберите из кадра весну,
Разорите гнездо микрофона,
Подарите душе тишину.

Капитан, ты на мостике славы —
Одинокий, как Бог в небесах.
Ты забыл, как вчера для забавы
Сказку выдумал о парусах.

В мире сказок нет места ошибкам,
Только мы не умеем так жить.
В этом мире, прекрасном и зыбком,
Можно только денёк погостить.

Ожерелья, легенды, наряды,
Как листва, облетят чудеса.
Дарят золото нам листопады,
Отбирая у нас паруса.

Погасите софиты и звёзды,
Декорации киньте на двор.
Раз нельзя переснять эпизоды,
Значит, больше не нужен актёр.

Где ж вы, прежние краски и кисти?
Тает в дымке забытый рассвет,
Словно дождь на танцующих листьях,
Замирает последний сюжет.

Ноша на плечах

Вот ноша на плечах. Зачем она тебе?
Зачем тебе постыдная привычка
Таскать её повсюду за собой?

Погасли звёзды. Капельки дождя
Нарисовали чей-то тонкий профиль.
Печальные глаза зажглись в саду
Когда-то не исполненных желаний.
Зловещий ветер гнул колосья славы,
И жалко улыбнулась обречённость:
— Никто из нас не волен сбросить горб.

Был чуток миг

Был чуток миг и краток свет,
Об этом некому и не с кем...
И будет долго гаснуть след
В Москве и Северодонецке.

И ничего нельзя сберечь,
Лишь на воде круги и пена;
Пусть припадёт к иконам встреч
Всё то, что зыбко и мгновенно.

О бесконечность красоты,
Открывшей грудь твою и плечи...
И как вьюнок обвилась ты
Вокруг несбыточной мечты,
И капли слёз, и дивный вечер.

* * *

Жизнь прошла, близок сумрак могилы;
Только вдруг, словно сполох огня,
Чей-то голос, забытый и милый:
«Твои руки волнуют меня».

И как будто воскресло преданье,
Торжествуя, ликуя, дразня...
Сокровенное воспоминанье:
«Твои руки волнуют меня».

Что же это: мольба? сожаленье?
Ах! и нет... исчезает виденье.

Говорила мне цыганка

Заблудился Петя в чаще
запертых дверей,
Не хотел он дожидаться,
он хотел скорей.
Он терпел, терпел и хапнул —
бабы довели.
В ночь под Новый год за это
Петю замели.

Говорила мне цыганка:
«Не горюй, сынок,
Если за тобой заедет
чёрный воронок.
Знаю: ждёт тебя удача —
ты не пропадёшь.
Раньше сядешь, раньше выйдешь —
и свое возмёшь».

Жизнь как огненная вспышка,
в сердце гаснет след.
Где ж вы, юные подружки
тех весёлых лет?
Пете горько и обидно —
встреча не близка,
Он теперь не вольный сокол —
он теперь зека.

Говорила мне цыганка,
                                оправляя шаль:
«В этой жизни, кроме счастья,
                                ничего не жаль.
Торопись, покуда молод
                                и верна рука —
Годы юности промчатся,
                                словно облака».

Все запоры, рассыпаясь,
                                падали к ногам;
Липли девки молодые
                                к бешеным деньгам.
А теперь на грязных нарах
                                в горькой тишине
По ночам ласкает Петю
                                лишь луна в окне.

Обещала мне цыганка
                                счастье и любовь.
Ой вы, козыри ночные,
                                молодая кровь!
Нынче кануло навеки
                                всё, что я люблю.
Жизнь на шее затянула
                                мёртвую петлю.

Если ворон трижды крикнет,
                                значит, быть беде.
Дома Петина гитара
                                стынет на гвозде.
Даже стрелки часовые
                                замедляют ход
Там, где Петя Рабинович
                                встретил Новый год.

* * *

Счастья нет на белом свете
В подконвойной стороне.
Никому не жалко Петю,
Петьку жалко только мне.

Много лет назад

Много, много лет назад
Я нашёл бесценный клад.
В полуночной тишине
Он достался... но не мне.

И с тех пор брожу ничей,
Свет улыбки, свет очей,
По тропинке, по судьбе,
О надежде, о тебе.

Юность волку не обуза

Юность волку не обуза,
Губы девкам по душе.
Заклучали мы союзы
В каждом новом шалаше.

Всё исчезло в одночасье,
Мир обрушился кругом.
Где же ты, бывшее счастье,
И когда-то милый дом?

Всюду грозные удавы,
Только силы не равны.
И Антихрист в блеске славы
Над обломками страны.

Но восстанет рать Христова,
Меч небесный заблестит,
И пророческое слово
Сердце мира оживит.

Впрочем, стоп. Оставим краски,
Бросим кисти и мольберт —
У меня в руке, как в сказке,
Два билета на концерт.

И опять не слава богу,
Я робею — как тут быть?
Неужели недотрогу
Я осмелюсь пригласить?

На концерте в Доме журналистов

Неужели всё в ажуре?
И судьба — без всяких если?
Неужели я в Домжуре
Вижу вас в соседнем кресле?

Все вокруг — сверлящим взглядом
И завидуют ужасно.
Я дрожу от счастья рядом
С самой юной и прекрасной.

Этот фокусник несчастный
Оскорбил мои усы.
Чтоб украсть вниманье ваше,
Он украл мои часы!

Бог сказал: «Я всё устрою!
Ну, а ты реши пока:
С чем ты встретился — с судьбою
Или с пламенем цветка?»

Ах, Ирина, жизнь — на взлёте!
Вновь цветы таятся в почках.
Неужели не найдёте
Вы отваги в этих строчках?

Поэзия

Наука, соска поколений,
Природы вкрадчивый завет,
И ты, Религия — лишь тени,
Узнавшие её рассвет.

И Бог, встающий на колени
Перед пылинкою — поэт.

Любовь нельзя вернуть

Идёт к концу старинный путь,
Клубится ночь, и плачут камни.
Твою любовь нельзя вернуть,
А без любви ты не нужна мне.

Исчез байдарки лёгкий след
И наш костёр в прибрежных ивах,
Где лес ронял вечерний свет
Для нас двоих, таких счастливых.

Кого в полях хоронит снег?
Никто не властен над судьбою...
И разлучила нас навек
Моя вина перед тобою.

Распался дом, распался путь.
Какая бездна между нами!
Твою любовь нельзя вернуть,
А без любви жизнь не нужна мне.

И мне всё чудится в листве
Ночной костёр в плакучих ивах,
Где лес ронял волшебный свет
Для нас двоих, таких счастливых.

Пленный ветер

Где же тело твоё

Сердце просит любви — и ни слова в ответ
В телефонной заснеженной будке.
Мы с тобой не видались три тысячи лет,
Ты лишь голос, смеющийся в трубке.

Шарик вьётся во мраке, роняя моря,
Как слезинки, за грань бытия.
И гитарной струной прозвенела заря:
«Что ж ты медлишь? Возьми, я твоя!»

— Где же тело твоё? Отвечай, не томи!
И слова из-за звёзд долетели:
«Тела нет у меня. Я лишь отблеск зари,
Звон струны и дыханье метели».

Кто же нас разлучил? Я устал и продрог,
Гаснут звёзды, что в сердце ютятся;
И летят города сквозь напевы дорог,
И кресты в облаках золотятся.

Мы уйдём, передав новобранцам Земли
Старый хлам и ненужные цели,
Превращаясь навек в тихий отблеск зари,
Звон струны и дыханье метели.

Моя красotka улизнула

Студентов этого потока
Я резал долго и жестоко.

Экзамен шел в учебном зале,
И с наступленьем темноты
Они из зала выползали,
Поджав несданные хвосты.

Но всё было создано:
                                пальмы и гроты,
Слоны, крокодилы,
                                цветы, камыши...
И всё-таки смутно
                                хотелось чего-то,
Чего-нибудь эдакого —
                                для души.

Из чашечек лилий
                                текли ароматы,
За кущами слышалось
                                райское пенье,
И, словно кассир
                                перед крупной растратой,
Он слышал волнующий
                                зов вдохновенья.

Дон Жуан

Что Дон Жуан? Он, как и все мы, губка,
Что жадно впитывает лики красоты.
Хоть ты прекрасней всех, моя малютка,
Но стать единственной напрасно хочешь ты.

Тайные пружины

Все думали, что это панацея.
Мы все мечтали только о великом.
Смертельно ранена вчерашняя идея,
И вот она зашлась предсмертным криком.

Мы лезем по шпангоутам,
В зубах — ножи,
Мы разоряем кафедры
И гнёзда лжи.

Нам солнце вещей истины
Слепит глаза,
Себя считаем искренне
Борцами за.

Толпа, а ей без разницы,
Соблазн велик —
Чтоб сесть бетонной задницей
На чей-то лик.

* * *

Откиньте полог нафталина,
Снимите катаракты с глаз —
И сразу тайные пружины
Вдруг станут явными для вас.

И вместо радуги далёкой
Ваш взгляд столкнётся с темнотой.
И мир ответит вам с жестокой
И беспощадной прямоюй.

Тайна Судного дня

И вот, конь бледный, и на нём
всадник, которому имя Смерть.
Откровение Иоанна Богослова

Тайна Судного дня,
тайна смертного часа,
Конец всем надеждам
в этой жизни земной...
А любовь, словно птица,
что вьётся над церковью Спаса.
И обрушилась полночь,
как последний конвой.

Я слышал, как мёртвые птицы
трепещут в могилах,
Как гибнут столетья,
не зная цены и вины.
Но я не услышал
шагов твоих, лёгких и милых.
Так зачем этот мир?
без тебя и без нашей весны.

Конец этой ночи,
конец обещаньям,
Конец поцелуям
и бурям конец,
Конец всех обманов,
конец всем мечтам и желаньям —
Там, где вспыхнет над бездной
грозный Всадник на бледном коне.

Мелькали закаты,
как отблески Тайной вечера,
И плакали скрипки,
как тогда, в Гефсиманском саду.
И вбежала надежда
в тобой приоткрытые двери,
Но слышался голос:
я к тебе никогда не приду.

Тайна Судного дня,
тайна смертного часа,
Конец всем стремленьям
и жизни конец...
И лишь песня любви
не смолкает над церковью Спаса
Перед вечным престолом
в незакатном огне.

Дом, затерянный в лесах

Наташе

Уж поезд тормозит... И радость в каждом звуке!
С платформы ты летишь в серебряной пыли,
Тебя могучие подхватывают руки
И бережно несут в лихие жигули.

Взревел мотор, со скоростью нездешней
Машина мчится вдаль, петляя в небесах.
А где-то там внизу — глоток надежды вешней —
Нас ждёт высокий дом, затерянный в лесах.

Там нежность и любовь, там бубны и гитары,
Там кружит нам сердца бутылок хоровод.
И пары тихо исчезают в кулуары,
А музыка гремит, тоскует и зовёт.

* * *

Шумела юность, и сверкали вечера,
И завтра превращалось во вчера...
С тех пор прошло уже немало лет,
Менялись страны, музыка и свет.

Но сердце помнит святочный рассказ,
Который и про нас, и не про нас,
Про то, как поезд тормозил вдали,
Как двух подружек ждали жигули,

Как весел был бутылок хоровод,
И как горел февральский небосвод,
И чей-то тихий голос у костра...
Пора любви — прекрасная пора!

Пленный ветер

Когда надежды тают,
Мечты покорных фей
Из клетки улетают
Туда, где потеплей.

И ты, мой пленный ветер,
Меня покинешь вдруг,
Умчавшись на рассвете
Из опустевших рук.

На березке птички зяблики

На березке птички зяблики,
А в лесу дороги тёмные.
Выплывают, как кораблики,
Чьи-то сказки многотомные.

Кто ж такую девку сватает?
Кто ж захочет с ведьмой шалою?
Тот, кто томик распечатает,
Захлебнется кровью алою.

Ой вы, сказки многотомные
Про подставы вероломные,
А наука битвы классовой
Подвела к удавке массовой.

Не суди меня

Не суди меня, столица,
Мне бы деньги, мне бы власть,
Чтоб нигде не засветиться,
Чтобы тихо, чтобы красть.

В монастырь, где всё за деньги,
Я ворвусь, казной звеня.
Кто сказал, что эти девки
В соболях — не для меня?!

Вор в законе, свет в иконе,
Я поставил всё на кон,
А потом оставил в зоне —
Там, где лекарем закон.

Как прекрасную загадку
Я тебя бы одевал.
Да в Париже, ах, как сладко
Я тебя бы целовал.

Кольца, кофточки и шубки —
Всё б к ногам твоим швырять,
Только б видеть эти губки,
Эти глазки целовать.

Уж, я думаю, растаешь,
Как швырну перед тобой
Из песцов и горностаев,
И из норки голубой.

Не суди меня, столица,
Мне бы деньги, мне бы власть,
Чтобы с треском провалиться,
Чтобы вдребезги пропасть.

Лишь бы пуля помогла мне
У последней у черты —
Чтобы соколом о камни
С поднебесной высоты.

Бирюзовая серёжка

Два профессора

Два профессора решили прогуляться,
На зелёной травке в парке поваляться,
Позабыть об интегралах навсегда
И понежиться на лавке у пруда.

А в пруду плескались рыбки — загляденье!
И бывает же такое совпадение:
Рыбки скрылись под водой — и в тот же миг
Превратились в двух студенток озорных.

Это случай небывалый, случай редкий!
Две прелестные студентки, две конфетки —
Они вышли из пруда, да вот конфуз:
Никакой на них одежды, кроме бус.

Старики-разбойники

ЛФК — лечебная физкультура

Жизнь приятна и легка
Возле шведской стеночки.
Мы танцуем ЛФК
У царевны Леночки.

Старики-разбойники,
Без пяти покойники,
Позабыв загробный страх,
Молодеют на глазах.

Лена, Леночка, красotka
Грациозна и стройна.
Нами весело и чётко
Дирижирует она.

Оркестранты, бросив скрипки,
Дарят Леночке улыбки:
Все на ковриках лежат
И ушами шевелят.

Ни к чему нам шуры-муры
И заклятья колдовства;
Без лечебной физкультуры
Всё на свете трын-трава.

Лена, Леночка, она —
Вот что удивительно:
Соблазнительна, умна
И обворожительна.

Чудеса творятся в мире:
Расцветают — три-четыре! —
Без пяти покойники,
Старики-разбойники.

Бирюзовая серёжка

Помнишь тот снегопад на тропинке лесной?
Нас метель замела, закружила.
Ты меня целовал, и под белой сосной
Я серёжку в сугроб обронила.

Ах, серёжки мои, тайна нашей любви,
Не найти мне серёжку для пары.
Только губы твои, только ласки твои
Да щемящая нежность гитары.

У тебя своя звезда,
У меня своя дорожка.
Бирюзовая серёжка
Потерялась навсегда.

Но туманится даль, и неясен маршрут.
Ну и что? отдалась — и забыла.
Только день, только миг, только пару минут
Нам с тобою судьба подарила.

Где-то там, в облаках, тает призрачный след
Навсегда упорхнувшей удачи.
И не надо грустить, только да или нет,
У любви не бывает иначе.

У тебя своя звезда,
У меня своя дорожка.
Бирюзовая серёжка
Потерялась навсегда.

Ты меня целовал там, где вьюги поют,
Да недолго удача гостила.
Только день, только миг, только пару минут
Нам с тобою судьба подарила.

Не вернётся гитара

Не вернётся гитара в заброшенный дом.
Под колёсами крылья позёмки.
Я остался один, я один за рулём
В этой вечной и бешеной гонке.

Помню иней седой на опушке лесной,
А в глазах твоих нежность сияла.
Снег кружился и пел, и под пьяной сосной
Ты серёжку в снегу потеряла.

Нас манила метель, унося в полутьму,
Расстегнулись застёжки дублёрки...
Ах, как грустно теперь вспоминать одному
Звон гитары и песни позёмки.

Осенний огурец

Мозг распух от, извините,
Государственных секретов.
Ими я нафарширован,
Как осенний огурец.
Я бы вам бы рассказал бы —
Не могу и не просите.
Кто гостайны разглашает,
Тот на свете не жилец.

Впрочем, если мы с красоткой
Собрались повеселиться
В царстве музыки и света
И в объятиях весны,
Если враг, а враг не дремлет,
Может всякое случиться,
Если мы с тобой одеты
Только в нежный свет луны.

Взметнулись сокол и орёл

Взметнулись сокол и орёл,
И мир застыл в истоме.
Идеи — в массы, девку — в пол,
А мы всегда на стрёме.

Зайти с краплёного туза,
С блатного партбилета.
Нам сокол выклевал глаза
И вставил линзы света.

Ползём по чёрному ручью
К иконам преисподней.
А в наших линзах — как в раю!
Чудны дела Господни.

Никто не верил по весне,
Ах, сени, мои сени,
Что в этой сказочной стране
Все ботают по фене.

Вешняя вода

Гитара знает, что боль растает,
Мосты сметает вешняя вода.
Любовь-разлука, печаль-подруга,
А мы с тобой простились навсегда.

Я покорно сносил все измены твои,
Лишь бы ты оставалась со мной;
Ты дарила себя каждой новой любви
И судьбы не желала иной.

Звонят гитары, и рвётся вьюга,
И льётся песня: «Горе не беда!»
Любовь-разлука, печаль-подруга,
А мы с тобой расстались навсегда.

Нежный мех пантеры

Мне разум шепчет: погоди!
Но страсть не знает меры,
А кудри на твоей груди
Как нежный мех пантеры.

Никто не знал любви моей,
Ни мужики, ни мальчишки.
Я в кудри на груди твоей
Хочу засунуть пальчики.

Был августа последний день

Памяти Марины Цветаевой

Скажу, быть может, грубо:
Вы многое ль сменили,
Сбежав от Шикльгрубера
В концлагерь Джугашвили?

Она ответит: много.
И разорвётся твердь
Перед оскалом Бога,
Который дарит смерть.

Погасло солнце. Чья-то тень
Самоубийцей — в сны.
Был августа последний день
И первый год войны.

И не найти следов о ней
В дыму под небесами
За миллионами теней,
Которые — не сами.

Душа приучена молиться

Запоминается не близость —
Она лишь ключ к замку души,
А в храмах тайны многоликой
Распяты в сумрачной тиши.

Душа приучена молиться:
Отняли Бога — так любви.
Запоминаются не лица
И не слова, а алтари.

Гася огни сторожевые,
Сгореть и из огня восстать.
И Библии слова живые
Не прочитать, а написать.

Нищенка мысль

Лихо закручены наши сюжеты,
В тайных расщелинах скрыты ответы.
Где же наш пастырь, провидец ученья,
Тот что укажет нам путь для спасенья?

Нищенка-мысль перед тёмною гранью;
Жизнь или музыка льётся в тиши?
— Дай же продлиться немому сознанию,
Не уходи, не спеши...

Если любовь — это мелкая лужица,
В песне — безмерна её глубина.
Куклы танцуют, безумствуют, кружатся,
Петли качаются над.

* * *

Ночь надела чёрный китель.
«Будет шторм! — сказал прибор. —
Я судебный исполнитель,
Ордер выписан судьбой».

Всё взорвать и всё разрушить!
Налетел могучий шквал,
Поглотил земную сушу
И на клочья изорвал.

Что случится напоследок?
Чья тут будет благодать?
Может, так, а может, эдак —
Никому не разгадать.

Пастухи, сдавая карты,
Ловко мечут да и нет.
Овцы, глядя из-под парты,
Ждут на блюдечке ответ.

Маэстро, музыку!

Войдём в нарядный дом, не ведая развязки;
Здесь окружает нас таинственность сама;
А на полу разлётся кот сиамский,
Роскошный кот по имени Фома.
Маэстро, музыку! — сейчас увидим мы
Хозяйку несравненного Фомы.

Скользнул с лодыжки золотой браслет,
И вдруг... её духи и приглушённый свет...
О, как изящна и порывисто легка
Её до локтя обнажённая рука;
И благодатный луч торопится привлечь —
О, краски Рубенса! — всю роскошь юных плеч.

Мгновенье красоты останется в веках...
И чей-то пылкий взгляд с мольбою на устах...
Огни безумствуют и тают в зеркалах.

Для дерзких глаз мужчин всегда заветный корм
Божественное танго женских форм.

И слетают в сердца купидоны

Немая боль — давно пора кончать!
И вновь толпа к рассвету не готова.
У трона высится гробница палача,
Но не того, кто проклят, а другого.

Глаза болот с ресницами осин,
Куда ушли несметные колонны,
Когда заспорили топор и клавесин,
И лица превратились в медальоны.

* * *

Ночь затмений и дивные звоны,
Но пробился проворный родник —
И слетают в сердца купидоны
Со страниц возвратившихся книг.

Бабы дуры

Федина ошибка

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

.....
Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Фёдор Тютчев

Поэт, специфики детей не понимая,
Зачем-то написал пятнадцать лишних слов.
Он начал хорошо — с грозы в начале мая
И вдруг запел про греческих богов.

Прелестно, но, пожалуй, неуместно.
С какой козы здесь эти греки? Почему?
Простым трудящимся про это неизвестно,
А детям совершенно ни к чему.

И вот высокий ум из Минпросвета
Решил с отвагой горного козла
Изъять безвкусицу последнего куплета
(Там где про Гебу и Зевесова орла).

«Так будет поумней и поприличней!
Зачем нам эта древнегреческая муть?
Стишок твой, Федя, станет лаконичней
И даже, может быть, талантливей чуть-чуть».

«Российский двоечник — он любит покороче,
А ты предвидеть этого не смог».
И пальцы ножниц прикоснулись к сердцу строчек,
И если б только этих четырёх.

Благая весть

Волшебный дар певца и мудреца,
Сиянье красоты и тайные намёки...
Мечтой о счастье радуют сердца
Божественные тютчевские строки.

Благая весть в его листках,
Слова останутся в веках.
Там русской истины родник,
Где *ропщёт мыслящий тростник.*

Бесплотный херувим

Снится мне, что я стал духом,
Я бесплотный херувим,
Легче воздуха и пуха,
Исчезаю, словно дым.

Видишь, Катя, тонкий лучик
С неба льётся сквозь туман.
На одной из светлых тучек
Я порхаю тут и там.

Да, я ангел, я витаю
Там, где зарево огней,
Я над Катенькой летаю
И мечтаю лишь о ней.

Знаю, сбудется воочью,
Катя скажет мне: «Володь!
Прилетай сегодня ночью,
Но сперва оденься в плоть».

Не для всех

Не для всех земное счастье.
Жизнь — душе — как Божий кнут.
Что мы пьём, дрожа от страсти,
Сквозь соломинку минут?

Кто поймёт твои поступки?
Вновь в душе ажиотаж,
Ты, чуть-чуть подкрасив губки,
Улетаешь на шабаш.

На разгульной на пирушке
Вьются тени на метле,
А кругом твои подружки
Барражируют во мгле.

И в зелёном полумраке,
Что дрожит в глазах у змей,
Зреют дерзкие атаки
Интуиции твоей.

И над картою гадальной
Все инструкции — мгновенно
Ты от мафии астральной
Принимаешь как антенна.

Тщетны грёзы человека,
Новых импульсов зачатки
Предугаданы от века
На космической сетчатке.

Не для всех земное счастье,
Не для всех сады цветут.
Что мы пьём, дрожа от страсти,
Сквозь соломинку минут?

Винсент ван Гог

А что мне церковь, что мне Бог?
Зачем мне ваши цели?
Отрежу ухо, как ван Гог,
И отнесу к Рашели.

Я сразу грохну кулаком,
Не стану сказки сказывать:
— Бросай, скажу, публичный дом.
Пора, скажу, завязывать.

Судьба художника — уйти
Во тьму в расцвете лет,
Безумье встретить на пути
И вынуть пистолет.

Призвание гения — предстать
Безумцем обнажённым.
А после смерти просиять
Пред миром восхищённым.

Губами тронуть вишни

Светлане

Губами тронуть вишни,
В ладони ночь прольётся,
Наискосок по жизни
Тропинка счастья вьётся.

Блеснёт неверным светом
Обманный самородок.
Как много в мире этом
Несбывшихся находок.

Неизречённая мысль

I, too late,
Under her solemn fillet saw the scorn.

Ralph Waldo Emerson

Слово вскочило на спину
Неуловимой мысли,
Как рысь на хребет косули.
О, жаркая страсть охоты —
Желанье пронзить когтями
Покорное тело жертвы.

Но мысль, неподвластная слову,
Презрительно отвернулась
От жалких попыток поэта
Поймать мимолётную тайну,
Накинуть лассо нетерпенья
На шею стремительной лани.

И гордая мысль созвучий —
Извечная тайна мира
Осталась неизречённой.

Судьба поэта и поэтессы

Осенней вереницею,
Воздушною, окольною,
О двух самоубийцах
Отзвев колокольный.

Всегда на прошлой станции
Кривые зеркала.
На долгие шестнадцать
Его пережила.

Не в силах больше сравнивать,
В беззвёздный небосклон
Ненужными, бесправными
Ушли она и он.

А кто виной: двуглавый
Или сменивший красный?
Теперь посмертной славой,
Для них уже напрасной.

Они почти ровесники:
Три разницы — не в счёт.
На разных высях лестницы
Застал их чёрный год.

И рушились законы
У них над головой.
И были не знакомы
Они между собой.

Два пика высшей чуткости
И два заката жертвенных:
Его — земной и чувственный,
Её — как свет, божественный.

О любви

И снова сон любви. Хоть цель неуловима,
И в клетках тайны бьётся жизнь моя...
А лакомства судьбы мелькают мимо
Колючей проволоки нашего п/я.

Здесь нету вывески, и в штатском офицеры.
В нарядном платьице, порхая и скользя,
В ракетно-ядерных цехах и интерьерах —
Твои манящие погибелью глаза.

Шины тихо шелестят

Шины тихо шелестят,
Рядом ангелы летят.
Ты спросила: «Это кто там
Вьётся, белый, над капотом?»

Это ангел, милый странник,
Наш божественный охранник,
Он ведёт нас в лес заветный
По дорожке неприметной.

От любви трепещет сердце,
Наконец, открылась дверца.

«Ой, как холодно! Скорей,
Милый мой, меня согрей!»

Лишь к тебе я прикоснулся,
Ангел скромно отвернулся,
Развернулся на крыле
И исчез в вечерней мгле.

Девчонка и начальник

— Ну что ты, девчонка, глядишь как во тьму?
Заря в твоём сердце печальна...
— Опять я дала, и опять не тому.
Мне очень обидно, начальник.

А ветер назначит победный разбег,
Меняются звёзды и цели.
Не надо цепляться за призрачный снег
Вчерашней любовной метели.

Ведь женская грудь — это вечный приют,
Оазис во тьме одиночества.
И тысячи баб каждый вечер дают
Совсем не тому, кому хочется.

Прощай, моя нежность, прощай, мой мираж,
Надежда моя и отрада!
Я сердце отправлю в последний вираж,
А счастья мне больше не надо.

— Цветёшь ты, девчонка, в своём терему.
Чего же ты снова печальна?
— Опять я дала, и опять не тому.
Мне снова обидно, начальник.

Последняя боль перед тем, как в тираж —
На траверсе звёздного сада.
Прощай, моя тайна, прощай, мой мираж,
Надежда моя и отрада.

— Тебе не напомнишь, так ты не нальёшь —
Пусть канут все наши печали.
Ну что ж ты, раздень меня, что же ты ждёшь?
Уж больно ты робок, начальник.

А песня, как лебедь, в ночной тишине
Крыло разрывает о струны.
И сердце летит со звездой наравне
В отчаянной гонке подлунной.

Земная юдоль как прекрасный мираж
На трассе разлук неизбежных.
И вечность меняет земной экипаж
На более юных и нежных.

Пылают иконы в закатном огне,
Последний конвой листопада.
И кто тебе скажет в ночной тишине:
— Мне счастья другого не надо.

Войти без опаски в осеннюю боль,
Где смерть выставляет свой ценник.
И небо навеки простится с тобой
В заплаканных стёклах осенних.

А ветер ворвётся в осеннюю даль,
Удача на леске забьётся.
И звёзды навывлет, и сердца не жаль,
Лишь песня в душе... оборвётся.

И снова свеча — в неоглядную тьму...
Прозрачна, тонка и печальна...
— Опять я дала, и опять не тому.
Мне очень обидно, начальник.

Бабы дуры

Бабы в городе скулят от одиночества,
Из капкана на свободу каждой хочется.
А в дом отдыха приехав, в винно-водочный уют,
Алкоголикам советским почему-то не дают.
Говорят, что алкаши мы безобразные,
Бабы дуры, вы поймите, мы же разные.

Что вам мучиться напрасно —
В жизни всё наоборот.
Бабы дуры, бабы дуры,
Бабы бешеный народ.

Дом, работа, муж, начальник, дети малые...
Бабы в городе шалеют, одичалые.
А приехав в санаторий, в винно-водочный уют,
Алкоголикам советским почему-то не дают.
Годы в рюмках отцветают незабудками,
Бабы дуры, вы поймите, мы же чуткие.

Что вам мучиться напрасно —
В жизни всё наоборот.
Бабы дуры, бабы дуры,
Бабы бешеный народ.

Все смешалось в этом мире — звёзды, палубы.
За любовь нам нынче выпить не мешало бы.
Где в дырявые карманы льются млечные пути,
Бабы рвутся за туманом, всё надеются найти.
Ой вы, песни удалые, беззаботные!
Ой вы, козыри ночные, мимолётные!

Бабы мечутся напрасно,
Ждут, когда им повезёт.
Бабы дуры, бабы дуры,
Бабы бешеный народ.

Всё тоскуют и мечтают у обочины,
А путёвки пропадают, деньги плóчены.
Ищут принца как надежду, как последнюю звезду,
Только принцев отменили в восемнадцатом году.
Там, где ангелы с кадилами, с молебнами,
Бабы дуры, вы поймите — мы ж последние.

Провороните — и в аут,
Вас никто не подберёт.
Бабы дуры, бабы дуры,
Бабы бешеный народ.

Бог — он тоже неженатый, Бог — он тоже холостой.
Он за эти ланцы-дранцы заплатил своей мечтой.
Только бабы рвутся в пекло, где балдеет их мечта,
И никто из них не хочет стать невестою Христа.
Ой вы, ребусы ночные, лучше в омут, чем в тираж.
Бабы рвутся, догоняя свой отчаянный мираж.

Эта песня как наживка,
В жизни всё наоборот.
Бабы дуры, бабы дуры,
Бабы бешеный народ.

Пармская фиалка

Положив её в постель

Положив её в постель,
Что о ней узнаешь?
Ты, как звёздная метель,
Вспыхнешь и растаешь.

А потом один, впотьмах,
Шаря нищим взглядом,
Не заметишь в небесах
То, что было рядом.

Робко — в поисках любви,
Грустно — если мимо,
И о счастье, но, увы,
Цель недостижима.

В чём же смысл земных тревог?
Тает, исчезает...
Тайну знает только Бог,
Да и он не знает.

Палыч и Михалыч

Встретим как бывалоча
С гордостью и грацией
Николай Михалыча
Дружную овацией.

Николай Михалыч!
Руководящим басом
Скажите свой тост
взволнованным массам.

Все небожители
в полной прострации —
Нету достойных
вождей у нации.
Как это нету?
Трубят горнисты —
Шустрый Михалыч
метит в министры.

С грохотом рухнули
все декорации,
Нету достойных
трибунов у нации.

Встретим как бывалоча
С гордостью и грацией
Тамерлана Палыча
Дружную овацией.

Тамерлан Палыч!
Руководящим басом
Скажите свой тост
вздуродоруженным массам.

Все небожители
в полном смятении:
Где наши кадры?
Где наши гении?

Пармская фиалка

Сижу на даче, слякоть и октябрь,
И занимаюсь монастырским делом,
Надеясь на прижизненный навар.

Сегодня утром снег почти сошёл,
И на моём столе вдруг появилась,
Невесть откуда, пармская фиалка.

Выставка «Москва — Париж»

Поэзия радости — «Танец» Матисса.
Собрание великих и редких картин.
И публика рвётся, стремясь приобщиться,
В салон дегустации модных глубин.

Аллеи когда-то скандальных полотен,
В заслуженных нимбах — Моне, Ренуар.
Воздушные грани божественной плоти
И взвихренных красок эффектный удар.

А рядом — «Заброшенный домик» Фламинка,
Не каждый задержится возле него;
Но мне эта скромная с виду картинка
Случайно запомнилась больше всего.

На странный пейзаж я смотрел не напрасно,
Я ту же печаль прочитал между строк:
«Ах, в этой глуши мы могли бы прекрасно
С тобою вдвоём провести вечерок».

Была в той тиши беспредельная нежность,
И кисть постаралась её уловить;
И в каждой травинке цвела неизбежность
Немыслимой сказки — ответной любви.

* * *

Но есть и другие стремленья и лица:
Достать и пробиться, суметь и попасть!
И лихо закрученный «Танец» Матисса
Спешит подчинить нашу волю и страсть.

Здесь в каждом поступке мерещится сцена,
А в чувстве — несорванный куш красоты.
Но сердце наивно, оно неизменно,
Оно старомодно и ждёт чистоты.

Ты помнишь: внизу, за газетным киоском,
Об этом мы долго шептались с тобой;
И нежность, как будто эскизным наброском,
На миг нас окутала тёплой волной.

Всё до боли знакомо

Ни ладьи, ни парома,
Ни тропы, ни огня,
Ни надежды, ни дома
Больше нет у меня.

Всё до боли знакомо,
Только мир стал чужим.
Вместо прежнего дома
Серый пепел и дым.

Мы уйдём в листопады
Отлетевшего дня.
Ни мечты, ни отрады
Больше нет у меня.

Где же спрятано жало?
Чьи там тени дрожат?
А река прошептала:
— Сам во всём виноват.

Беспартийный еврей

Жёлтый шар метко катится к лузе,
Но венки достаются не всем.
Нам, евреям, в Советском Союзе
Приходилось не сладко совсем.

Эта песня немногим знакома.
Был я дважды отец, но не муж.
Беспартийный еврей без диплома,
И судимость имею к тому ж.

Ты скажи, кто за это в ответе?
Ни проехать, ни даже пройти.
Пятый пункт был в советской анкете,
Как шлагбаум на нашем пути.

Эта сказка немногим знакома.
От похмелья шумит в голове.
Беспартийный еврей без диплома,
И к тому же судимостей — две.

Это были дни нашей печали,
Нашей боли, о чём говорить!
Нас, евреев, всегда унижали,
Не давали нам шагу ступить.

Эта счастье немногим знакомо.
Кто ты есть? на себя посмотри!
Беспартийный еврей без диплома,
И к тому же судимостей — три.

Поневоле играешь без правил,
Без любви и родного гнезда.
Голос предков нас манит в Израиль,
И мы все потянулись туда.

Эта песня немногим знакома.
Будут деньги, спою вам опять.
Беспартийный еврей без диплома,
И к тому же судимостей — пять.

Учитель ракет

*Памяти Главного конструктора
Николая Пилюгина*

Ракета — она как слепая коза;
Чтоб был в ней и смысл, и лоск,
Ракете нужно иметь глаза,
И, самое главное, мозг.

И вы среди вечных забот и шума,
Как первенца учит мать,
Учили ракеты смотреть и думать,
А это значит — летать.

Я не ревнив

О нет, я не ревнив! но важно убежденье,
Что я — как властный якорь в глубине,
А на поверхности пусть тешится мгновенье,
Сверкая на причудливой волне.

В сетях у горечи не избежать развязки.
Когда её мечта опять уносит вдаль,
Сумей не показать, искусно спрятав в ласке
Невысказанной ревности печаль.

Тайна искушения

Поэма с довеском

Грузинская рапсодия

Нас на сцене только двое:
Ты и я, весь мир исчез;
Только роли нам с тобою
Выдали из разных пьес.

Ты — как ночь с лицом мадонны,
Тайна искушения.
Я же нищий дух Сорбонны,
Ребус без решения.

Нас автобус, словно кратер,
Всех — поштучно — извергал.
Боже! ты администратор?
Твой штурвал — банкетный зал?

Ты царица Алазани,
Амазонки гордый лик,
В пышной келье ресторанной
Над грядой учётных книг.

Или дерзкая нахалка
В бриллиантовом колье?
Кахетинская русалка
В ресторанной чешуе?

Кибернетика в столице
И кавказский Интурист:
Может всякое случиться,
Если жизнь как чистый лист.

Но исписана страница
Мелким почерком густым.
Значит, это — только снится
И развеется как дым.

Здесь, в большом банкетном зале,
Ты хозяйка, твой Сезам;
Рюмки, кланяясь, порхали
К вечно жаждущим устам.

Тут кайфуют Чингисханы
Ярче звёзд кавказских,
Их бездонные карманы,
Золото за ласки.

Гор обманчивые склоны
Много бед в себе таят.
А в глазах моей мадонны
Сны любви и термояд.

Звонких бубнов перепалка,
Лунной ночью на скале
Обнажённая русалка
Танцевала в полумгле.

Субтропического края
Исторический сюжет:
Где-то здесь Ворота Рая,
Но туда дороги нет.

У Ворот стоит на страже
Грозный ангел Михаил.
Он с мечом и острым даже,
Но красив и очень мил.

И опять как будто снится:
По реке скользит в ладье
Кахетинская царица
В диадеме и колье.

Гордый взор царицы ночи,
Взгляд привык повелевать,
И надменно блещут очи:
Никогда! Не смей мечтать!

Нет, голубка, не обманешь,
Вспыхнет томный флажолет,
Ты сама цветок протянешь,
Вечерком ко мне заглянешь
И сама погасишь свет.

Слышно ангельское пенье,
Погребальный перезвон.
Ледяной волной презренья
Я смущён и оскорблён.

Вдруг в кустах у водопада
Заблудившийся торнадо
Взвился ввысь, и грянул гром,
Закружилось всё кругом.

Закружилось, завертелось,
Шире круг! звенит зурна.
Взгляд чарующий и смелый
Опьяняет без вина.

Красавица-грузинка
Танцует — о-ля-ля! —
Наурская лезгинка,
«Молитва Шамиля».

Кацо! подай бокалы —
И все пустились в пляс:
Кинжалы, аксакалы
И солнечный Кавказ.

* * *

Гремя гранитной чешуёй,
Хребет Кавказский
Прополз по сцене, как живой
Дракон из сказки.

Обиды, скрытые в веках,
Позор и мщенье.
И вдруг с оружием в руках
Сгустились тени.

И вспыхнул бой, и кровь рекой,
И волчья стая.
Война кружилась над землёй,
Людей сметая.

Забыты нежность и покой,
А в час молитвы
Повсюду гибель и разбой,
И грохот битвы.

Прощались с жизнью молодой
Лихие черти
И уходили чередой
В долину смерти.

А там, в надмирной высоте,
Сверкал, как в сказке,
В своей жестокой красоте
Хребет Кавказский.

Предсмертная песня

Плачьте, красавицы, в горном ауле,
Правьте поминки по нас:
Вслед за последнею меткою пулей
Мы покидаем Кавказ.

*Александр Бестужев-Марлинский
(из повести «Аммалат-бек»)*

Помню, отец мой брэнчал на рояле,
Чайник на кухне свистел,
Пел он старинную песню печали,
Грозную песню он пел:

«Слава нам, смерть врагу!
Алла-га, Алла-гу!»

Таял в московской квартире на Пресне
Клич, что когда-то гремел;
Скорбная песня, предсмертная песня,
Чайник шипел и свистел.

«Мы не увидим сегодняшний вечер,
Мы улетим к облакам;
Смерти навстречу — без страха! — навстречу
Русским победным штыкам.
Слава нам, смерть врагу!
Алла-га, Алла-гу!»

«Плачьте, красавицы горных аулов,
Смерть ополчилась на нас:
Вслед за последнею меткою пулей
Мы покидаем Кавказ».

Помню, отец мой играл на рояле:
Месяц сквозь тучи глядел,
Мчались абреки, кинжалы сверкали,
Жёны в аулах судьбу проклинали.
Бог им помочь не успел.

Для нас смерть — свобода!

Александр Бестужев-Марлинский
(из повести «Аммалат-бек»)

Джембулат и Амалат-бек дрались как отчаянные: двадцать раз опрокинуты и двадцать раз нападая, утомлены, но не побеждены, с сотнею удальцов переплыли они за реку, спешили, сбатовали коней и завели жаркую перестрелку с другого берега, чтобы прикрыть остальных спутников. Занятые этим, они поздно заметили, что выше их плывут за реку линейские казаки наперерез им. С

радостным криком перескакивали, окружали их русские... Гибель им неизбежна.

— Ну, Джембулат, — сказал бек кабардинцу, — судьба наша кончилась... Делай сам, как хочешь, но я не отдамся в плен живой. Лучше умереть от пули, чем от позорной верёвки.

— Не думаешь ли ты, — возразил Джембулат, — что мои руки сделаны для цепей? Сохрани меня Алла от такого поношения! Русские могут полонить моё тело, но душу — никогда, никак. Братцы, товарищи, — крикнул он к остальным, — нам изменило счастье — но булат не изменит: продадим дорого жизнь свою гяурам; не тот победитель, за кем поле, — тот, за кем слава, — а слава тому, кто ценит смерть выше плену!

— Умрём, умрём! только славно умрём! — закричали все, вонзая кинжалы в ребра коней своих, чтобы они не достались врагам в добычу, и потом, сдвинув из них завал, залегли за него, приготавливаясь встретить нападающих свинцом и булатом...

Зная, какое упорное сопротивление встретят, казаки остановились, собираясь, готовясь на удар. Ядра с противоположного берега иногда ложились в круг бесстрашных горцев; порой разрывало между них гранату, осыпая их землёй и осколками, но они не смущались, не прятались и, по обычаю, запели грозно-унылым голосом смертные песни, отвечая по очереди куплетом на куплет...

Поражены каким-то невольным благоговением, егеря и казаки безмолвно внимали страшным звукам их песен, но наконец громкое «ура!» раздалось с обеих сторон.

Черкесы вскочили с воплем, выстрелили в последний раз из ружей и, разбив их о камни, кинулись на русских с кинжалами. Абреки, чтоб не разорваться в натиске, связались друг с другом поясками и так бросились в сечу — она была беспощадна — всё пало под штыками русских.

— Вперёд, за мной, Аммалат-бек, — вскричал неистовый Джембулат, кидаясь в последнюю для него схватку. — Вперёд, для нас смерть — свобода!

Но Аммалат уже не слышал его: удар сзади прикладом по голове поверг его наземь, усеянную убитыми, залитую кровью.

Женская власть

Бабки с пистолетами

В проходной, где бабки
с пистолетами
Перелистывают нас
турникетами...

А в столовой толстозадые
буфетчицы,
Не иначе — иностранные
разведчицы.

Зомбоящик ухмыляется
заранее:
Суд над кесарем
за все его деяния.

В подземелье бродят лешие
с коптилками,
Чёрт по улице летит,
мозги с опилками.

Сколько дров уже наломано,
нарублено,
Сколько бравых молодцов
уже загублено.

Всё замётано, проплачено
и схвачено,
И за тумбой под трибуной
присобачено.

Чёрный череп и хрипящее
признание
Перед смертью без стыда
и покаяния.

Кроты истории

Змеиною тропой в стремлении лукавом
Их лапы тянутся к созвездьям величавым.
Но тщетно! обречён их гибельный формат.
Кроты истории меняют весь расклад.

Жизнь

Меч, уснувший под порогом,
Понапрасну не буди.
Соблюдай заветы Бога:
Не убий и не кради.

В мире тесном и убогом
Светлой вестью удиви,
Да по тюрьмам и острогам
Брызни радостью любви.

Чистых помыслом не трогай,
С чёрной думой не броди,
Жизнь, дарованную Богом,
Возлюби и не брани.

В лесу

Мы были с Танечкой в лесу,
Казалось бы... Ан нет!
В лесу нельзя. Но почему?
Последовал ответ:

«Здесь столько любопытных глаз,
Совсем не романтично.
В лесу увидеть могут нас,
А это неприлично».

Но здесь же нету ни души!
Мы тут одни в лесной глуши,
Здесь счастья тихий островок,
Любви укромный уголок.

Забуть ли девичью красу,
Причуды юных лет?
Мы были с Танечкой в лесу,
Казалось бы... Ан нет!

Женская власть

Ах, этот вопрос я читал, побледнев,
В холодной улыбке своих королев.
Глаза убивали, сжигая меня,
Жестоким презреньем дразня.

О, женская сила! О, женская власть!
— Ты просишь любви, молодой Златоуст?
Что стоит твоя сумасшедшая страсть,
Когда твой бумажник трагически пуст?

Кто на мостике

Ты не спрашивай, не надо, почему
Всё так быстро улетаёт за корму,
Почему надежды тают, как туман,
И какой у нас на судне капитан.

Кто на мостике, могуч и одинок?
Может, случай, может, царь, а может, Бог.

Бог ответил из заветных райских кущ:
— Это правда, я, конечно, всемогущ.

Но, во-первых, я на пенсии давно;
Во-вторых, мне почему-то всё равно,
Что у вас там происходит вдалеке
В мною созданном, но вашем бардаке.

Царь промолвил из высокого Кремля:
— Это верно, подо мною вся земля.
Но не верьте глупым сказкам про меня:
«Царь всё может» — это просто болтовня.
Я по совести, по чести вам скажу —
Я у случая в подёнщиках служу.

Ну, а случай — это соль земных тревог,
Это главный повелитель и игрок.
Он всем правит на дороге без дорог,
Так что случай на поверку — значит Бог.

Ты не спрашивай, не надо, почему
Всё так быстро погружается во тьму,
Почему надежды тают, как туман,
И какой на нашем судне капитан.

Кто на вахте, позабыт и одинок?
То ли случай невезучий, то ли Бог.

Чулки и блузка

Чулки и блузка — как опавшая листва.
Пылают лепестки немного ожиданья.
— О, не нарушь минуту волшебства
Неосторожной музыкой желанья.

Но вот вступает праздничный орган,
И скрипка нежно стонет и воркует,
И, прилетев из заповедных стран,
Дыханье вечности нам тапочки целует.

И очи вечности завидуют мгновенью,
Что расцветёт, волнуясь и дрожа,
Беспечной и доверчивой сиренью
На смертной веточке седьмого этажа.

Тропинка

Я из тех, кто всегда уступает лыжню,
Кто всегда и во всём уступает;
Я из тех, кто мечтает: потом догону,
Кто всегда лишь молчит и мечтает.

На эстраде дешёвых и лёгких побед
Честь и совесть, увы, позабыты;
Приговор и навет, и наручников след,
Все аккорды тюремной сюиты.

Благородство души как незримый маяк,
Шествуй гордо средь бурь и тревог.
Где же ты заблудилась, тропинка моя?
На каком перекрёстке дорог?

История жалит

Подземные гулы
Глухим не слышны.
Они как предвестники
Дерзкой весны.

История жалит,
Кто правит не в масть.
Тузу на скрижали
Шестёркой упасть.

Уже рассветает:
— Не спи, дурачок!
Неслышно ступает
Судьбы башмачок.

Легко цицеронить
На старой закалке,
Уснувший на троне
Проснётся на свалке.

Петрович

Привычно нимб надев на темя,
Петрович движется вперёд.
Он мыслью обгоняет время,
А грешным телом — отстаёт.

Он больше жил, но меньше прожил;
Он больше меньше стал, чем был;
Он всё, что надо, подытожил,
Но всё, что вспомнил, он забыл.

Его девиз по части женщин:
Темнить — и исчезать, как дым,
Чем больше женщину мы меньше,
Тем дольше будешь молодым.

Мне почудилось

Часы загадочно пробили,
И мне почудилось: «Живи!
Ты будешь счастлив в этом мире
И даже, может быть, в любви».

Вступил оркестр ударом грома,
Валторна робко расцвела.
И вот восходят стены дома,
В душе рисуя купола.

И наполняется волхвами
Ещё пустой иконостас,
И возжигают свечи в храме,
Уже построенном для нас.

Порхает снег, кружит позёмка,
И храм растаял в полусне;
Но кто же эта незнакомка?
Чьи каблочки спешат ко мне?

Храм науки

Мы кричим и громко лаем,
По-научному камлаем,
Добывая мёд из сот
Новых жизненных высот.

Те, что вьются умным роем
И горят в огне цитат,
Щедры платят геморроем
За научный результат.

На Багамских островах

Тефтели в соусе

Не в театре, не на пляже
На Багамских островах,
Не в роскошном экипаже,
Тайно скрывшемся в веках,

Не на даче у блондинки,
Не в буфете с коньяком,
Не в подъезде, не на рынке,
Не в деревне босиком,

А на фабрике фартовой
В подконвойном городке:
В производственной столовой
От цехов невдалеке.

Мелькают пончики и супчики:
— Тефтели в соусе, а вам?
— А мне, пожалуйста, голубчики
И отварной шерше-ля-фам.

Не на Багамах, не в Америке
С их непонятным языком,
А мы с тобой встречались в скверике,
В уютном сквере заводском.

Мерцали лампочки таинственно,
У кассы шум и толкотня.
Ты подошла ко мне воинственно,
С усмешкой глядя на меня.

Кругом кувшинчики-графинчики,
Глазунья весело шипит,
А на твоём подносе блинчики
Отважно дразнят аппетит.

И понял я душой тоскующей
Среди котлет и макарон:
Твоей улыбкой атакующей
Я был навеки покорён.

Пропала папка с лекциями

(объявление в раздевалке)

Страшнее войны
И тифозной инфекции:
За оба семестра
Потеряны лекции.

Пропали — подлинный
Фактик, кума —
Два полностью оформленных
Матпрактикума.

Я без папки —
Как груздь без шляпки,
Как гусь,
Откинувший кверху лапки,

Как Божий храм
Без Христа Спасителя
И космонавт
Без ракеты-носителя.

Если ты папку
Нашел случайно,
Помни — положенье моё
Отчаянное.

Или ты возвратишь мне папку
Дубликатом бесценного груза —
Или меня хватают в охапку
И исключают из вуза!

В прошлом веке

В государстве оптимистов
Всюду радость — аж до неба.
Всё им, чижикам, подвластно,
Всё им, шустрым, нипочём.

В землю зернышко посеешь —
А из почвы вместо хлеба
Моментально вырастает
Знамя с лысым Ильичём.

* * *

Гарцуют ковбои
На съездах партийных,
И вновь перебои
Сердец магазинных.

Заглох без бензина
Мотор на пути.
На полках — пустыня,
Шаром покати.

Под общим наркозом
Державное гетто
С бездарным завхозом
В фальшивом либретто.

И больше не надо
Словесного чада,
Ни нежного взгляда,
Ни пива со склада.

За прежние вожжи
Не слишком держись.
На новые дрожжи
Надеется жизнь.

Слабее колышется
Державный кадык.
История пишется
Под новых владык.

Золотые мгновенья

Не рябиновый сок и не пуля в висок,
Мы украли у вечности этот часок —
За весёлой бутылкой на юной траве,
Где аккорды гитары плывут в синеве.

Завтра нас, может быть, неприятности ждут,
Если жизнь повернётся иначе.
А сегодня у нас на ладонях цветут
Золотые мгновенья удачи.

О, как убийственно жесток

Когда, как соль на рану, страсть,
Когда все козыри — не в масть,
Когда легко теряешь власть
И хочешь всё забыть,

Надежда как слепой пунктир —
Пропитанная ложью нить,
Ведёт нас в вымышленный мир,
Не чтоб помочь, а чтоб добить.

Тогда — ну что ж, не ты одна,
Внезапно выпив всё до дна,
Наткнёшься вдруг — ещё пьяна —
На злую неизбежность дна.

О, как убийственно жесток
Последний выпитый глоток!

И ты застынешь у окна:
— Прощай, любовь, прощай, весна!

И повторишь его слова,
Ещё пьяна, уже трезва.

И сразу оборвётся нить,
А губы страсти просят: пить.

Ещё один глоток — рассвет,
Но только — занавес в ответ.

Ещё жива, ещё пьяна,
Откроешь створки у окна
И перегнёшься за карниз,
И безразлично глянешь вниз.

Как избавление от сна.
Лишь мимо промелькнёт стена.
И, как последняя шпана,
По крышам пробежит луна.

Глухой удар — и тишина.

ГУРВО

Война — отец всех существ,
и царь всех существ.

Гераклит Эфесский

Служи, царевич, не любя и не печалься,
На поводке у засекреченной весны.
— Как долго мы с тобою не встречались,
Одетые лишь в нежный свет луны.

В притонах скорости она целует в губы
И душит бусами подопытных цехов.
— О, я спасу тебя, мой ласковый, мой любимый,
Окутаю метелью кротких слов.

«Зачем? Кому от этого отрада,
Чтоб птицы ночи выпили мой мозг,
Чтоб я к чужим цветам, глазам и складам
Навёл пунктирный и смертельный мост».

— Но жизнь таится и в ракетной цитадели,
Там светится любовь, и бродят менестрели.
Мои уста к твоим устам прильнут,
И пальцы нежности ласкают шёлк минут.

«О, сколько хитростей придумать нам пришлось,
Чтоб взвилась стаи баллистических ракет,
Чтоб пламя грозно расцвело и взорвалось
И ночь навек затмила белый свет».

«Я отдал двадцать лет таинственному блюду,
Опасным трюкам извращённого ума,
Эскизов смерти сочиняя груды
И наполняя ими закрома».

Змея ползёт извивами обмана...
Что Бог войны — наш истинный закон,
Что Гераклит и Клёузевиц правы,
А Канта «Вечный мир» — всего лишь детский сон.

Что лучшие умы, к несчастью, заблуждались,
Что философские исканья оказались
Пустышкой для наивных простаков
И детской шуткой для военных знатоков.

— Ах, обними меня, мой милый, мой любимый!
Пусть горести судьбы всегда несутся мимо,

А шины, задремав, к обочине прильнут,
И пальцы нежности ласкают шёлк минут¹.

Шут в берлоге

Попав к медведю в логово,
Попав к медведю в пасть,
Добиться можно многого,
А можно и пропасть.

Про меня говорят: «Придворный шут,
Скоморох, чуть повыше классом».
А я отвечаю: «Не шибко тут,
Я тоже умею басом».

Мне говорят: «Ты придворный паяц,
Болтаешь, меры не зная».
А я отвечаю: «Не только я,
Нас тут целая стая».

Он такой хорошенький

За соседним столиком
  ресторанным взглядом...
Музыка цыганская
  кинет в сердце дрожь.
«Ой ты, мальчик миленький,
  сядь со мною рядом,
Мне же плохо без тебя,
  как ты не поймёшь».

---

¹ ГУРВО — Главное Управление Ракетного Вооружения
Министерства обороны Союза Советских Социалистических Республик.

Ах, как я его любила!
Но затмился белый свет,
Всё, что было, позабыла,
То ли было, то ли нет.

Ах, как больно! стынет вечер;
Суди небо, суди Бог,
Приласкал разгульный ветер,
Да обрушился порог.

Ни к чему теперь уловки,
Я хотела, не смогла;
Корешок своей путёвки
Словно жизнь свою сожгла.

Болезни носоглотки

Ахмет кричит: «Красотки!
Зачем ходить к врачу?
Болезни носоглотки
Я лучше всех лечу».

«Для вашей носоглотки, —
Внушает он больной, —
Полезна рюмка водки
В компании со мной».

«И, чтоб добиться цели, —
Щебечет он больной, —
Часок-другой в постели
В компании со мной».

Прекрасное лечение!
Красотки удивляются,

Но все без исключения
Мгновенно поправляются.

Он лечит дни и ночи,
И сутки напролёт,
К нему забита очередь
На десять лет вперёд.

Но тут звезда политики
Свою бросает нить —
Всегда найдутся критики,
Чтоб песню очернить.

Ахмет ворчит: «Да ладно,
Ведь я же альтруист.
Я всех лечу бесплатно,
И перед Богом чист».

«Я магии хранитель,
А магам нет преград.
Я истинный целитель,
Народный Гиппократ».

Учёный

На днях загадку мироздания
Он, как блоху, пинцетом взял,
Лишил её очарованья,
Распял и в формулу загнал.

Она, как бабочка, трепещет
И на булавке слёзы льёт.
А мир в восторге рукоплещет
И славу гению поёт.

— Нет, так нельзя! Душа поэта
Спешит восстать на мудреца:
Ведь он безумием пинцета
Проткнул интимности Творца.

Ой вы, лютики мои

Дело к старости, дружище, вырубай движок.
Нашу юность, наш рассвет запорошил снежок.

Ой вы, лютики мои,
Черешни с вишнями!
Были мы нужней других,
Да стали лишними.

Заплясала на весах монета звонкая.
Бог, который в небесах — он шельма тонкая.
Он на козыри не глянет — за тобой должок.
Дело к старости, приятель, выключай движок.

Ой вы, девочки в соку,
Черешни с вишнями,
Были вы милей всего,
Да стали лишними.

Что же нынче остаётся сердцу пленному?
Раньше пили мы от пленума до пленума.
Но взорвался прежний быт рассекреченный,
Всю малину скovyрнул Мишка Меченый.

Расцвели в тени Кремля
Черешни с вишнями.
Все, что были у руля,
Стали лишними.

Бальмонт 2.0

Мерцают сумерки в лимонных
И апельсиновых садах,
И слышен лепет в листьях сонных,
И дремлет ветер на цветах.

Константин Бальмонт

Мерцают сумерки в лимонных
И апельсиновых садах,
А рядом девочки в погонах
В ракетно-ядерных войсках.

Они на страже неустанно
И под весенний благовест
Для женихов за океаном
Готовят атомных невест.

Не для любви, не для потехи
Подземный бункер броневой —
Дрожат заморские морпехи
От лика смерти огневой.

Народ гордится — всё законно —
Что там, в подземной тишине,
Готовы девочки в погонах
К ракетно-ядерной войне.

У Дон-Кихота

У Дон-Кихота ни стакана, ни рубля.
Висят на реях непокорные Сизифы.
Стоят Сусанины у каждого руля,
И корабли стремглав летят на рифы.

Кого винить? Мы прокляты навек,
Доверив вожжи подставному мудрецу.
Повсюду смерть. Последний человек
Готовится к ужасному концу.

Только адреса нет на конверте

Эх, тачанка-полтавчанка,
Наша гордость и краса,
Пулемётная тачанка,
Все четыре колеса!

Михаил Рудерман

Обнажённая грудь мадонны,
И разбойничий свист соловьиный.
Царь погиб, и распались законы.
Саранча на тачанках — лавиной.

Где же ты, благодатная сказка?
Где дворцы и усадьбы наши?
Революция — красная пляска,
Кадыки под бритвами пляшут.

Прокричала вещая птица,
Что весна прислонилась к смерти.
Эта тайна ещё пригодится,
Только адреса нет на конверте.

Туфельки

Мне снятся туфельки твои.
Молчащих клавиш город пленный...
Моей приснившейся любви,
Моей несбывшейся вселенной.

Как одинок и пуст мой дом,
Судьба-злодейка всё украла;
А на подрамнике пустом
Дыханье роз и два бокала.

Но лунным холодом облит,
Накинув пёстрый шарф на плечи,
Каким отчаяньем звенит
На провода упавший вечер.

Тебе одной слова любви,
Любви немой и сокровенной,
Моей приснившейся зари,
Моей несбывшейся вселенной.

Парад-алле

Парад-алле! гремит оркестр,
Мы трёмся о передник мамин,
Нескоро кончится семестр,
Нескоро выпускной экзамен.

Сверкает праздничный манеж,
Парад-алле! трубят фанфары,
И делит вкрадчивый рубеж
Живую жизнь и чьи-то чары.

Вот шар земной в пол-оборота,
Идёт смертельная охота,
Спасенья нет, летят гурьбой.
Парад-алле! Вперёд, армада!
Все духи зла, все силы ада
Охотятся на нас с тобой.

А если уцелели мы —
За это лишний год тюрьмы.

Под Киевом

Под Киевом много укромных полянок,
Где можно и нужно любить киевлянок.

Но что это? Боже! на той же полянке
Зачем это? стонут сгоревшие танки.

Жечь себя в огне секунд

Ты в иную ткань одета,
Что неведома факирам,
Ты из пламени и света
Над судьбою и над миром.

Эти йоги словно боги
Погружают нас в обман,
Чтобы смысл живой тревоги
Превратить в немой туман.

Их задача, это ясно,
Ограничить сердца бунт.
А ведь это так прекрасно —
Жечь себя в огне секунд.

И гореть цветущей вишней
То нежнее, то сильней
Перед юным богом Кришной,
Повелителем страстей.

Сгорел хрустальный фа-диез

Усатый, страстный до мажор
Плясал лезгинку,
А нежный си-бемоль минор
Ласкал грузинку.

Цвели снега на склонах гор
И мандарины,
И прославлял тромбонов хор
Страсть Магдалины.

Швырял утёсы Магомет
В морскую пену,
Из зала пламенный поэт
Смотрел на сцену.

Скакали по уступам скал
Стада кентавров,
А Терек рвался и визжал
Под звон литавров.

Старинным эхом прогремел
Зов кровной мести,
Поэт взволнованно сопел
И ёрзал в кресле.

Как грозный смерч, взметая пыль,
Промчались турки.
Летел неистовый Шамиль
В косматой бурке.

Поэт остроты штамповал
Для строчек хлёстких,
В узор гипербол он вплетал
Метафор блёстки.

Сгорел хрустальный фа-диез,
Сражён бекаром,
И скрипкам трубы свой протест
Послали с жаром.

Закат плеснул на снег вершин
Томатным соком,
Клубились сны ночных долин
Живым потоком.

Хребет Кавказский грохотал,
Грозь обвалом,
И водопады посылал
Скакать по скалам.

Из пастей медных он исторг
Гортанный хохот,
И в зал обрушился, как шторм,
Оваций грохот.

Джан и Джон

В шараге жили Джан и Джон,
В одном отделе Джон и Джан,
И с незапамятных времён
Они вдвоём срывали план.

Один из них был хулиган,
Другой — святой со всех сторон.
Кто был святым? конечно, Джан.
А хулиган? конечно, Джон.

Хотя, как говорит народ,
Народ — он судит честно:
Пожалуй, всё наоборот,
А точно — неизвестно.

У Джона нынче юбилей,
Гостей зовут со всех сторон.
Джон угощает: «Джан, налей!»,
Джан говорит: «За дружбу, Джон!»

Истинная вера

Иисус сказал ему:
Я есмь путь и истина и жизнь...
Истинно, истинно говорю вам:
верующий в Меня имеет жизнь вечную.
Евангелие от Иоанна

Она вам нравится? Ну что ж,
Я вам перечить не посмею.
Бессмертна трепетная ложь,
Та что приснилась Моисею.

Когда у всех чердак в огне,
Мы славим Бога в поднебесье,
И нас чарует как во сне
Пасхальный звон: «Христос воскрес!»

Тысячеликая молва,
Волной вздымаясь, ликовала,
Цвела во славу Божества
И высшей истиной блистала.

Восторга сладостная дрожь,
Христом прониклась наша эра.
Бессмертна трепетная ложь,
Бессмертна истинная вера.

* * *

Вот так, на чердаке самозабвенья,
Как прихотливый и бесценный дар,
Понятье Истины нам озарило путь
И мысль пытливую в дорогу снарядило.

Церковь ночи

Что ни день — забот безумный ворох,
Всё дрожит у грохота в плену.
— Не печалься, поезжай за город
В кружевную леса тишину.

Церковь ночи, звёздная аптека
Лечит нас от ссадин до седин.
И слились с душою человека
Души елей, сосен и осин.

Оглянись перед финалом

Жизнь как выставка — на срок.
Оглянись перед финалом,
И пройди ещё разок
Вдоль по опустевшим залам.

Всюду горькие утраты,
Пыль да черти по углам.
А какие экспонаты
Красовались тут и там!

Что там ваши Рафаэли —
Карантин в глазах мадонн.
Я их знал живых, в постели,
Без икон и без корон.

А тоннель в научном храме?
Там мой скит и мой забой,
Где гранит долбил годами
Православною киркой.

И всю жизнь, ещё со школы,
Те, кому был верен я —
Игорь с Валькой Силаковым,
Сердцу милые друзья.

Нынче выставка закрыта.
Ни убранства, ни красы.
Лишь на тумбочке разбитой
Гулко тикают часы.

Нету больше Игорька,
Нету Валечки дружка,
Я один на белом свете
Жду последнего звонка.

Милый голос напевает,
Провожая нас в полёт:
«Тот, кто здесь не унывает,
Тот и там не пропадёт».

Сказание о Директоре

Случай на охоте

Однажды Директор бродил по Карелии,
Глаза у него, как у волка, горели.

Директор был занят: он круглые сутки
Искал, где находятся дикие утки.
Директор был дока в охотничьих трюках,
Охотился он в тренировочных брюках.

Намокли коленки его от росы,
Замёрзла его волосатая грудь,
Но он подкрепился куском колбасы
И смело отправился в путь.

Он шёл и свою дорогую винтовку
Держал по-охотничьи — наизготовку.

А в этой же местности, что интересно,
По синему небу плыл ангел небесный.
Светилась пред ним голубая дорога,
Он плыл по заданию Господа Бога.

Директор же думал, и это не шутка,
Что это летела обычная утка.
Он вскинул ружьишко и сразу — шарах!
И ангел упал перед ним в камышах.

Директор — он грубый, он очень нечуткий,
Он в общем-то дикий по сути своей.
Ему безразлично, где ангел, где утки,
Ему лишь бы ножка была пожирней.

И чтобы проверить свое подозренье,
Решил он с неё ощипать оперенье.

Он даже принялся за эту затею,
Но утка сказала: «Директор, уймись!»,
И вмиг превратилась в прекрасную фею,
В такую красотку, что только держись.

Директор моргал и глядел ошалело
На феино юное крепкое тело.

А фея — она, как ни в чём не бывало,
Совсем не стыдилась своей наготы,
Шутила, смеялась и живо болтала,
И сразу к нему обратилась на ты.

— Ах, милый, зачем ты меня погубил?
Ведь ты для забавы меня подстрелил.
Меня же ты в самое сердце задел,
При помощи пули ты мной овладел.

И фея, дав волю губам и рукам,
Прижалась к его бороде и щекам.

Директор сквозь ткань тренировочных брюк
Почувствовал пламя от феиных рук.
Он даже расцвёл: «Ничего себе, шутки,
Какие, однако, здесь водятся утки!»

«На будущий год я возьму Табакова,
С ним вместе мы тут поохотимся снова.
Он тоже себе здесь добудет трофей —
Он любит таких легкомысленных фей».

А фея опять: «Хочешь, в этом лесу,
Директор, я счастье тебе принесу?»

В нём сердце стучало, как счётчик в такси,
Директор ответил: «Давай, приноси!»

Он просидел
всю ночь один в холодном холле,
Чтоб поутру
задвинуть нам фуфло.

Он возвратился
в келью только на рассвете.
В его глазах
цвела победная звезда.
Мы поклялись,
что будем всё держать в секрете,
И он ответил, как всегда:
«Конечно, да!»

Я вам скажу:
Директор парит нас нередко.
Он очень любит
нам понтыру наводить.
Ему простительно,
на то он и Директор —
Иначе массаами
нельзя руководить.

А Марианна
после этого скандала
Интуитивно поняла:
не тот разлив.
— Оставь меня! —
она Директору сказала,
Своими фарами
его испепелив.

Гремели бубны,
звонко тьякали гитары,
Гуляла ночь
по зимним сказочным лесам,

И в свете фары
    под луной кружились пары,
И звёзды весело
    подмигивали нам.

Директор — мой лучший друг

А мы, бывало, с Игорьком
Всегда стремительным броском,
Где хулиганский курс наук
И гром весёлый...
Ах, вы не знали Игорька?
Так вы ж сваляли дурака!
Ведь Игорёк — мой лучший друг
Ещё со школы.

Нас жизнь кидала вверх и вниз,
И снова фейсом о карниз;
Но мы влюблялись и клялись
Самозабвенно.
Лихая драка — всем хана! —
И нас боялась вся шпана,
И мы на Патриках кадрились
Вдохновенно.

В деревне

Там, где целуется Торопа с Двиной,
В деревне Устье на тропинке лесной,
Где каждый пёс для тебя как родной,
И каждый день выходной...

Играет солнце на зелёной траве,
Шумит стаканчик у меня в голове,
Сперва по маленькой, а после по две,
Чтоб утонуть в синеве.

Пускай гитара каждый вечер поёт,
Пускай Директор нас на рюмку зовёт,
И пусть судьба нас с тобой через год
За этот стол соберёт.

Но оказалось, что наш праздник хмельной,
Там, где целуется Торопа с Двиной,
Не повторится ни зимой, ни весной,
Ни даже летней порой.

Директор нам приказал не тужить,
А песни петь и с гитарой дружить,
И веселиться, и женщин любить.
И о нём не грустить.

Легенда о Табакове

Жили-были два друга

Жили-были два друга неразлейвода: Игорь Чудновский и Валька Табаков. В школе Табаков придумал дразнилку: «Чудо-юдо рыба кит бомбой атомной грозит». А чудо-юдо от обиды лез в бутылку.

Но настоящая драма приключилась много позже — когда Валька у Игоря в гараже залил в движок своей машины вместо масла эпоксидную смолу. Рассказывая об этом бедствии, оба винили друг друга во всех смертных грехах, искренне возмущались, несли околесицу и ссорились точь-в-точь, как Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

Смех смехом, но дело было нешуточное, а обида смертельной. И тут меня осенило — настал мой звёздный час! — я понял, что должен выступить в роли спасителя-мироотворца. Это было не просто, но за полгода кропотливых усилий мне удалось сгладить углы, обезвредить минные поля, погасить тлеющие головешки, заштопать сердечные раны, и дружба навеки, к счастью, была восстановлена.

Никогда не забуду романтический финал этой истории. На одной из вечеринок, когда я гордо возвышался над миром с рюмкой в руке и тостом в зубах, Табаков неожиданно вскочил, перегнулся через стол (он сидел напротив) и крепко стиснул меня, так что я пошатнулся и чуть не рухнул на салат с майонезом. Валька еле слышно прошептал мне в самое ухо: «Джан, спасибо за то, что ты меня с Директором помирил».

На первый взгляд, в этих словах нет ничего особенного. Но для меня они не просто важны — они драгоценны, так как красочное признание, можно сказать, само вырвалось из Валькиного сердца.

И мне кажется, что на Страшном суде, когда на аптекарских весах будут взвешивать каждое прегрешение, одно такое признание может, пожалуй, перевесить все мои грехи, а их у меня с избытком.

Как возникла легенда о Табакове

Табаков — человек сугубо положительный: кандидат наук, начальник вычислительного центра, автор проекта приливной электростанции и всё такое. На роль отрицательного героя, прощелыги или демона он никак не годится.

Тем не менее, возникла заманчивая идея — выдумать мифического Вальку Табакова, жулика и прохвоста. Фишка в том, что такой типаж не имеет ничего общего с оригиналом.

Представьте, вы сидите в весёлой и приятной компании и слушаете песни обо всей этой небывальщине и чертовщине про легендарного злодея Табакова — и тут же с изумлением видите перед собой невозмутимого живого Табакова с гитарой в руках.

Да, чуть не забыл: кличку «Директор» тоже изобрёл Табаков. И она как родная приклеилась к Игорю Чудновскому на всю жизнь.

Прикинуться святым

Чуть что — прикинуться святым,
Залезть на крест, напялить нимб
И Божье платье;
А ночью, втайне от людей,
Отклеив шляпки от гвоздей,
Слезать с распятия.

Таков наш Валька Табаков,
Я говорю без дураков,
Портрет мой точен;
Он днем — как Божий херувим,
А ночью — вечно пьяный в дым,
Насквозь порочен.

Но лишь продрал глаза рассвет,
В притоне снова Вальки нет.
Чтоб жить неплохо,
Рога под кепкой спрятал бес
И на распятые снова влез —
Каков пройдоха!

А нынче, пьяный наповал,
Он всех на свете подбивал
Пропить распятые.
Тут мы взмолились: «Караул!»,
Его безудержный разгул
Для нас — прокляты!

Но грянет гром — и напролом! —
И мы себе ещё вернём
Дворец в Версале.
Нам наплевать на ваш успех,
И вы услышите при всех
Наш смех в финале.

Таков наш Валька Табаков,
Я говорю без дураков,
Портрет мой точен;
Он днем — как Божий херувим,
А ночью — вечно пьяный в дым,
Насквозь порочен.

На улице

На улице отчаянный мороз,
И к лыжным палкам уши примерзают;
А у пришельцев в эту пору сенокос,
И дождь по карточкам раз в месяц выпадает.

А Табаков нигде не унывает,
И у него ответ всегда короткий —
Что плохой погоды не бывает,
А бывает — просто мало водки.

А тут на днях нам захотелось женской ласки,
Она возникла вся из света и огня.
Мы ей немножко приоткрыли двери сказки,
И с тихим звоном закрылась западня.

Ведь Табаков — он жалости не знает,
И он насмешливо поёт любой красоте:
«Неприступных женщин не бывает,
А бывает — просто мало водки».

Ох, уж этот Табаков

Всегда уверенный в себе,
Всегда глухой к чужой мольбе,
Он беспощаден к тем, кто слаб,
И строен словно баобаб.

Вот он сидит — взгляните на него:
Томится, словно кит на суше,
И как пульсары излучают торжество
Его вишнёвые взволнованные уши.

Самый симпатичный

По пьяной лавочке за борт,
Но я скажу тактично:
Из всех московских пьяных морд
Он самый симпатичный.

Звёздочка

С неба звёздочка слетела,
За сарай скатилася.
Я сначала не хотела,
А потом решилася.

— Эй, налейте Табакову —
Самому отпетому!
Я сначала не давала
Ни тому, ни этому.

Табаков продал гитару

Табаков продал гитару,
За трояк её пропил,
А потом сдал стеклотару
И портфель себе купил.

Он в портфеле носит деньги,
Вам так жить, как он живёт!
Он не тратит их на женщин,
Он на книжку их кладёт.

Табаков проворовался,
Он опять сидит в тюрьме,
Как он горько просчитался
При его большом уме.

Табаков в тюрьме напился,
Размотав свой новый срок,
Он и девушек лишился,
И портфель свой не сберёг.

Табаков — он снова с нами!
Он лишь утром из тюрьмы,
Табаков опять с деньгами,
Табакова любим мы.

Взгляд его горит, как солнце,
Он гуляет на свои.
Ты кидай на стол червонцы —
И все девушки твои.

Возле Вальки слышен снова
Женский смех и женский визг,
Бабы любят Табакова
За отвагу и за риск.

Он возьмет её за плечи,
Поцелует — обомрешь.
А когда ему перечат,
Он хватает финский нож.

Табаков — он снова с нами!
Он лишь утром из тюрьмы,
Табаков опять с деньгами,
Табакова любим мы!

Три полста

Сперва для понта три полста —
«Держитесь, недотроги!»
Потом аллюром три креста
Мы уносили ноги.

По блату, по блату
Мы тайно держим хату,
А тот, кто держит хату,
Живёт не на зарплату.

А феи на хате
Нам дружно скажут: «Нате!»,
И в этот миг в халате
Выходит Табаков.

Осень

Осень непогожая
По кустам петляет,
Бабка краснорожая
С козами гуляет.

Нас кустами алых роз
Ублажает осень.
А у бабки сколько коз?
Коз у бабки восемь.

Там, где праздник в ватнике
Тайно держит марку,
Бабка съест козлятинки
И осушит чарку.

Там, где денег вовсе нет,
Завтра как сегодня,
В души льётся тихий свет
От креста Господня.

В блеске ихних городов,
В звёздах небосвода
Оторвался Табаков,
Падла, от народа.

Мы на крыльях алых роз
Мечемся по свету.
А у бабки сколько коз?
Коз у бабки нету.

Нету коз, и бабки нет —
Осень всё слизала.
Покидая этот свет,
Бабка нам сказала,

Что у нас в Аксаково,
Бабка судит строго,
Укоряя всякого:
«Все забыли Бога».

Истина расхожая,
Смерть не выбирает.
Осень непогожая
По кустам петляет.

В блеске ихних городов,
В звёздах небосвода
Оторвался Табаков,
Падла, от народа.

Обернулся Табаков белым кречетом

Табаков на днях сказал озабоченно:
«В каждом яблоке своя червоточина.
Вся Россия до белья раскурочена,
Не поймёшь, где колея, где обочина».

Обернулся Табаков красным знаменем —
И Россию запалил синим пламенем.
А потом он налетел вьюгой чёрною
И пустил на нас всю голь подзаборную.

Обернулся Табаков белым кречетом —
И, как сетью, нас накрыл небом клетчатым.
А потом пустил ползучую братию
В каждой клетке удавить демократию.

Табаков пробормотал озадаченно:
«То конина на столе, то собачина,
Православная казна раскулачена —
В общем, всё не в ту п...ду за...уячено».

Разорённый мастер

Какой-то злой, отчаянный двойник
Украл фамилию и власть у Табакова.
Не слишком ли их много, двойников?
Порой мы видим — изо всех щелей
Как саранча, ликуя и жирея.

А настоящий Валька Табаков
Всю жизнь как проклятый, спины не разгибая,
В конюшне под названием НИИ,
Пока трамвай научного прогресса
Ему не переехал левый глаз.

Они росли в подземных галереях,
И корни прорастали в их затылки.

Слова изъяли из подземных словарей,
И зло засуетилось: «Пробил час!»
А гномы подколодного притона
Кричали: «Бог не фраер, падай в долю!»

* * *

А разорённый мастер жил в саду
Среди обуглившихся ласточек и яблонь.

Карты на стол

Об авторе

Медведь спросил у крокодила:
«Ты в математике силён?»
Я что, вот Паронджанов — сила!
Он чёрен, да ещё умён.

Юрий Примашев

Волнуются армяне,
Ликует Ереван,
Приехал мыться в бане
Товарищ Паронджан.

Дмитрий Лондон

По матери я — Архангельский (отсюда Архангел), по отцу — Паронджанов (поэтому Джан).

Прозвище «Джан» придумал Директор. Это был Человек-Солнце. Именно он сотворил Аксаково и склеил половинки февралей в нескончаемый праздник дружества и безудержного веселья. Это он сделал меня аксаковским поэтом, а Шурико — композитором.

Вечер. Директорский люкс битком — человек двадцать. Шурико закрепляет на «партитутре» стихи, которые я едва успел закончить пять минут назад, берёт гитару. Несколько секунд смотрит на текст. И тут же — на глазах у всех — рождается мелодия, яркая, светлая, неповторимая.

Солируют Шурико и Таня, на второй гитаре шпарит Табаков, Ян суёт в протянутые руки бубны, маракасы, трещотки и кричит: «Наливай!», все подхватывают и...

Компания настолько привыкла, что каждый вечер мы с Шурико должны выдать новую песню, что не оправдать ожидания было уже невозможно. В этой книжке наши лучшие аксаковские песни. Многие из них были мгновенным откликом на аксаковские события, например, «Любовь на кладбище». В песне — ни капли вымысла, всё так и было в жизни (правда, там был не я, но это мелочь). Со временем эта история, обрастая фантастическими подробностями,

стала местной легендой, которую аксаковские старожилы, захлебываясь от ужаса и восторга, передавали из поколения в поколение.

Когда Директора не стало, гитары выпали из рук, и наша бесшабашно юная вселенная навсегда распалась.

Больше мы не споём как когда-то;
Расколовшись, померк белый свет.
Больше песен не будет, ребята,
Потому что Директора нет.

Прощай, Аксаково! Прощай, Директор, друг вечный!
Прощайте, золотые деньки!

Иллюстрации в книге скопированы из сети Интернет согласно лицензии Creative Commons с сайта <https://pixabay.com/>